

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

С. Ю. Косарев

**ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ
МЕТОДИК
РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Сергей Косарев

**История и теория
криминалистических методик
расследования преступлений**

«Юридический центр»

2006

ББК 67.

Косарев С. Ю.

История и теория криминалистических методик расследования преступлений / С. Ю. Косарев — «Юридический центр», 2006 — (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса)

Монография посвящена исследованию истории криминалистических методик расследования преступлений и теоретическим основам учения о них. В работе подробно описаны генезис методик расследования преступлений, эволюция их структуры и подходов к построению, проведена научно-практическая систематизация этих методик, разработаны современная типовая структура типичных частных криминалистических методик и подходы к структурированию групповых криминалистических методик, определены основные направления развития системы криминалистических методик, пути и перспективы использования возможностей программирования при их создании, затронуты вопросы совершенствования учебного процесса по криминалистике. Книга предназначена для научных и практических работников, преподавателей юридических дисциплин уголовно-правового цикла, студентов, курсантов, слушателей, аспирантов, адъюнктов юридических учебных заведений, а также всех интересующихся этими проблемами.

ББК 67.

© Косарев С. Ю., 2006

© Юридический центр, 2006

Содержание

Предисловие	6
Раздел I	10
Глава 1	10
§ 1. Сущность и значение исторического подхода к познанию криминалистических методик расследования преступлений	10
§ 2. Расследование преступлений в древности и раннем средневековье	14
§ 3. Расследование преступлений в Древней Руси	16
§ 4. Возникновение инквизиционного процесса на Руси	19
§ 5. Организация и научное обеспечение расследования преступлений в XVIII – первой половине XIX в.	31
Глава 2	39
§ 1. Появление и развитие первых методических рекомендаций по расследованию отдельных категорий преступлений в дореформенный период (до 1860-х гг.)	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Юрьевич Косарев
История и теория криминалистических
методик расследования преступлений

© С. Ю. Косарев, 2006

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006

* * *

Светлой памяти моего учителя Игоря Александровича ВОЗГРИНА

Предисловие

Настоящая работа посвящена исследованию истории и теории криминалистических методик расследования преступлений.

На современном этапе демократического развития России, характеризующемся всесторонними преобразованиями жизни государства и общества, изменением политических, экономических, социальных, правовых приоритетов, особое место занимает борьба с преступностью во всех ее проявлениях. Как свидетельствует история, в периоды коренного изменения общественного устройства обостряются социальные противоречия, возникают конфликты между различными слоями общества, происходит резкий рост правонарушений и ухудшение криминальной обстановки.

Серьезные просчеты, допущенные на начальном этапе проведения российских реформ в экономической, военной, правоохранительной и иных областях государственной деятельности, ослабление системы государственного регулирования и контроля, несовершенство правовой базы и отсутствие сильной государственной политики в социальной сфере, снижение духовно-нравственного потенциала общества являются основными факторами, способствующими росту преступности¹.

Формирование рыночных отношений усилило негативные тенденции в динамике и структуре преступности, внутри которой происходят серьезные качественные и количественные изменения. Особенно дестабилизирует обстановку в обществе рост организованной преступности. Так, по данным ГИЦ МВД России, только за 2004 г. органами внутренних дел было зарегистрировано 2 893 810 преступлений, что на 5 % превышает количество преступлений, выявленных в 2003 г. Из общего количества преступлений, зарегистрированных в 2004 г., 936 804 относятся к категории тяжких и особо тяжких.

Быстро развивающийся, во многом болезненный, сложный процесс развития и становления в стране новых общественных отношений напрямую должен быть связан с тенденцией укрепления законности и противодействия антисоциальным явлениям в Российской Федерации. В связи с этим на первый план выдвигается задача решительной и бескомпромиссной борьбы с преступностью во всех ее проявлениях. Согласно статистическим данным, общая раскрываемость преступлений всех видов в нашей стране в течение последних десяти лет колеблется всего лишь в пределах от 46 % до 64 %. Успех в борьбе с преступностью в определенной степени зависит от качества научных исследований в этой сфере. Эффективное расследование преступлений может осуществляться лишь при его надлежащем криминалистическом обеспечении. Этой задаче служат криминалистические методики расследования отдельных групп и видов преступлений, которые являются комплексами научно обоснованных рекомендаций по наиболее эффективной организации и осуществлению их расследования и предотвращения.

Однако существующая в настоящее время система криминалистических методик расследования преступлений не может рассматриваться как в полной мере удовлетворяющая потребностям практики борьбы с преступностью. В этой связи перед криминалистической наукой встает задача дальнейшего совершенствования содержания сложившихся криминалистических методик. Параллельно с этим должны решаться вопросы создания новых криминалистических методик, обусловленных изменениями в законодательстве, построения принципиально новых комплексов методико-криминалистических рекомендаций, полнее учитывающих изменения в общественной жизни и их последствия, разработки этих рекомендаций на основе более

¹ См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24) // Российская газета. 2000. 18 янв.

широкого учета возможностей криминалистических классификаций преступлений, выявления общих закономерностей в расследовании больших групп преступлений и создания на этой основе новых групповых криминалистических методик и др.

Криминалистические методики расследования преступлений, отражая практику борьбы с преступностью и материализуясь в виде определенных работ (монографий, учебных пособий, диссертаций и т. п.), являются самостоятельным объектом научного исследования, проводимого в целях выработки теоретических выводов различной степени абстракции; наука же призвана постоянно совершенствовать собственный «продукт», познавая объективные закономерности, связанные с указанной разработочной областью.

Отдельное, комплексное изучение криминалистических методик расследования различных категорий преступлений как системы теоретических знаний до настоящего времени на монографическом уровне не проводилось.

В связи с изложенным становятся очевидными потребности науки и практики в подобного рода исследованиях, что и подвигло автора на проведение исследования, в котором рассматривается комплекс вопросов, составляющих теоретические основы учения о криминалистических методиках расследования преступлений на базе анализа их генезиса и современного состояния, определения перспектив развития этих методик.

Еще до появления науки криминалистики вопросам организации расследования отдельных категорий преступлений уделялось внимание в работах отечественных и зарубежных ученых. Наиболее активно эти вопросы исследовались в трудах криминалистов XX в.

В настоящее время проблемы методико-криминалистического обеспечения следственной деятельности продолжают оставаться одним из важнейших направлений развития современной криминалистики. К началу XXI в. сложились определенные подходы к структурированию и содержанию криминалистических методик, их классификации и др.

Однако формирование научных основ теории криминалистических методик расследования преступлений до сих пор не завершено, что серьезно осложняет научно-исследовательскую деятельность по созданию полноценных конкретных методик расследования отдельных категорий преступлений.

Проведенный автором историографический анализ, а также анализ современных работ по криминалистике лишь убеждает в необходимости проведения подобного исследования, специально посвященного изучению теоретических проблем криминалистических методик расследования преступлений.

Монография представляет собой попытку создания основ такого учения, являясь комплексной работой, направленной на теоретическое изучение феномена методик расследования отдельных групп и видов преступлений.

Методологической базой исследования является диалектический метод научного познания социальных явлений в их взаимосвязи и взаимообусловленности, общенаучный системный подход и общенаучные методы познания, а также исторический, социологический, статистический, логический и другие частные методы научно-исследовательской деятельности.

Правовой основой работы послужили положения Конституции РФ, федеральных законов и подзаконных нормативных актов, регулирующие вопросы борьбы с преступностью.

Проведенное исследование широко опирается на труды в области философии, истории и теории права и государства, науки управления, уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, других наук.

При разработке теоретических вопросов и практических рекомендаций неоценимую помощь оказали работы таких видных отечественных ученых, как Р. С. Белкин, В. С. Бурданова, И. Е. Быховский, В. В. Вандышев, А. Н. Васильев, Л. Г. Видонов, А. И. Винберг, И. А. Возгрин, В. К. Гавло, Ю. П. Гармаев, И. Ф. Герасимов, А. Ю. Головин, В. Н. Григорьев, В. И. Громов, Г. А. Густов, Л. Я. Драпкин, А. В. Дулов, Б. Л. Зотов, И. И. Иванов, Л. Л. Каневский,

А. Н. Колесниченко, В. И. Комиссаров, В. Е. Корноухов, И. Ф. Крылов, Э. Д. Куранова, А. М. Кустов, А. М. Ларин, А. Ф. Дубин, И. М. Лузгин, С. П. Митричев, В. А. Образцов, И. Ф. Пантелеев, В. И. Рохлин, Н. А. Селиванов, Л. А. Сергеев, В. В. Степанов, М. В. Субботина, В. Г. Танасевич, С. И. Тихенко, А. Г. Филиппов, С. И. Цветков, О. В. Чельшева, С. Н. Чурилов, Б. М. Шавер, С. А. Шаталов, Н. П. Яблоков, И. Н. Якимов, С. А. Ялышев и др.

В ходе работы автор опирался не только на труды современных ученых, но и на большое количество произведений дореволюционных авторов (И. Посошков, П. Раткевич, В. Назанский, Я. Баршев, Д. Долгов, Е. Колоколов, Н. Калайдович, А. Жиряев, В. Спасович, А. Квачевский, П. Макалинский, М. Горановский, В. Долопчев, С. Трегубов, Б. Бразоль и др.)? в том числе не попадавших ранее в поле зрения современных специалистов, что дает более полное представление о сложном, трудном пути развития криминалистических методик.

Эмпирическую базу исследования составили результаты изучения и анализа более 500 полноструктурных методик расследования различных категорий преступлений, разработанных в России и СССР (СНГ), разнообразных криминалистических методических источников, содержащихся в различных изданиях и периодической печати, а также официальные статистические данные о состоянии преступности в РФ, эффективности раскрытия и расследования преступлений отдельных категорий. Кроме этого, автором изучена эффективность практического использования методико-криминалистических знаний при расследовании преступлений, в связи с чем проведено анкетирование свыше 400 следователей и руководителей следственных подразделений органов прокуратуры, внутренних дел и наркоконтроля, проходящих службу в Санкт-Петербурге, Ленинградской области и других регионах России.

Исследование, развивая идеи и положения современной криминалистической науки, представляет собой первую монографическую комплексную теоретическую работу по изучению криминалистических методик. При исследовании этой проблематики впервые всесторонне изучен генезис криминалистических методик, эволюция их структуры, изменение подходов к построению методик и т. п., что позволило проанализировать и оценить современное состояние данных комплексов методических рекомендаций, а также определить тенденции и перспективы их дальнейшего развития. В книге рассмотрены взгляды на структуру, классификации, принципы криминалистических методик, проведена их научно-практическая систематизация, определены современная типовая структура типичных частных криминалистических методик и подходы к структурированию групповых криминалистических методик, выявлены интегративные свойства системы методик расследования отдельных категорий преступлений, внутренние связи ее элементов, основные направления развития этой системы, пути и перспективы использования возможностей программирования при построении криминалистических методик расследования преступлений, а также пути использования этих знаний в учебном процессе по криминалистике.

Теоретическая значимость исследования определяется постановкой и решением ряда задач, составляющих содержание проблем криминалистических методик расследования преступлений. Работа вносит существенный вклад в криминалистику, служит научной базой для разработки новых методик расследования различных категорий преступлений. В книге заложены теоретические основы учения о криминалистических методиках расследования преступлений как составной части общих положений заключительного раздела криминалистики – криминалистической методики.

Также в монографии с научных позиций описана сложная история возникновения и развития криминалистических методик. При этом дается не только широкий обзор этого пути, но предпринята попытка его периодизации, что позволяет одновременно отнести данную работу к числу научных исследований по истории криминалистики, в которых остро нуждается современная наука.

Кроме того, детальное изучение генезиса криминалистических методик, значительно расширяя мировоззрение каждого ученого-криминалиста, позволяет оценивать состояние и перспективы развития этих методик (и всей криминалистики) не только с позиций познания современной их сущности, «ибо логическая, теоретическая структура лишь тогда может правильно отразить действительность, когда она опирается на логику *развития* (курсив наш. – С. К.) реальных социальных явлений»².

Применение одних только способов исследования современного состояния криминалистических методик не позволяет в полной мере изучить вопрос о причинах их современного строения и функционирования, а, следовательно, и о тенденциях их дальнейшего изменения. Это связано с тем, что определенные изменения явления в прошлом обуславливают его изменения и в будущем. Таким образом, тенденции развития криминалистических методик, определяемые их современным состоянием, также прямо или опосредованно вытекают из состояния их в прошлом, что подтверждает проведенное автором исследование.

Работа имеет опосредованное значение для совершенствования практики расследования преступлений. Монография, будучи преимущественно теоретическим, методологическим трудом, адресована, главным образом, научным работникам, создающим криминалистические методики, поскольку многие недостатки методико-криминалистических разработок порождены отсутствием их теоретических основ. Нередко автор-разработчик той или иной криминалистической методики не всегда ясно представляет, что именно должно получиться в результате его работы, а это, в свою очередь, зачастую приводит к тому, что труды, адресованные практическим работникам, остаются невостребованными. Поэтому положения, содержащиеся в настоящей книге, призваны способствовать не только дальнейшему активному развитию теоретических знаний. Практическое значение исследования состоит в том, что оно приводит к совершенствованию прикладных криминалистических разработок, и, в конечном счете, к повышению эффективности криминалистического обеспечения деятельности следственных органов. Кроме того, полученные в ходе настоящего исследования научные результаты могут быть использованы в дальнейших научно-исследовательских работах по проблемам криминалистической методики как раздела криминалистической науки и истории криминалистики, при дальнейшем исследовании различных проблем отдельных методик расследования преступлений, в учебном процессе при подготовке специалистов в высших и средних юридических учебных заведениях, а также в практике правоохранительных органов.

Итак, предлагаемая читателю книга содержит научное изложение истории возникновения и развития криминалистических методик, анализ их современного состояния, взгляды автора на тенденции и перспективы развития этих методик.

² Андреев И. Д. Методологические основы познания социальных явлений. М., 1977. С. 222.

Раздел I

Возникновение и развитие криминалистических методик расследования преступлений

Глава 1

Предыстория методико-криминалистических рекомендаций

§ 1. Сущность и значение исторического подхода к познанию криминалистических методик расследования преступлений

В процессе развития научных представлений о содержании системы криминалистических методик расследования отдельных категорий преступлений установлена одна из ее характерных черт – общая целесообразность ее развития.

Значительная роль в этом принадлежит ученым-криминалистам, разрабатывающим методики, посвященные вопросам наилучшей организации³ расследования и предотвращения отдельных групп, видов и разновидностей преступлений.

Как возникли сами идеи о возможности и необходимости создания таких методик?

Понятие «методика» широко используется как в науке, так и в обыденной жизни. Однако в современном обществе в данное понятие при его использовании зачастую вкладывается не всегда одинаковый смысл.

Для уяснения значения этого термина необходимо обратиться к истокам отечественного понятийного аппарата. Согласно Толковому словарю живого великорусского языка В. И. Даля, методика (или «метода») – это способ, порядок, основания, принятый путь для хода достижения чего-либо в виде общих правил⁴.

Большая Советская Энциклопедия (БСЭ) определяет методику как совокупность способов, методов, приемов для систематического, последовательного, наиболее целесообразного проведения какой-либо работы⁵.

В словаре иностранных слов под одним из значений термина «методика» аналогично понимается совокупность способов целесообразного проведения какой-либо работы⁶.

³ Применительно к криминалистической методике термин «организация» должен включать в себя, с одной стороны, специфическую форму деятельности лиц, осуществляющих раскрытие, расследование и предупреждение преступлений, а с другой – их объединение для взаимодействия и совместной работы (см.: Возгрин И. А. Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск, 1983. С. 49; Он же. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Часть I. СПб., 1992. С. 58). Организация расследования конкретных видов преступлений также понимается как комплекс организационных методов, средств, приемов, соответствующих специфике этих преступлений и обеспечивающих создание условий для полного и быстрого раскрытия и расследования преступлений при наиболее рациональной затрате времени, сил и средств (см.: Зуйков Г. Г. Основные положения организации и методики расследования преступлений // Организация расследования преступлений. Курс лекций. Вып. 6. М., 1977. С. 15; Фролов Ю. А., Ратьков А. Н. Некоторые теоретические вопросы организации расследования преступлений на предварительном следствии в органах внутренних дел. Ростов-на-Дону, 2000. С. 26). Впрочем, второе определение, как это видно, несколько тавтологично.

⁴ См.: Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 2. СПб., 1881. С. 323.

⁵ См.: Большая Советская Энциклопедия. Т. 27. 2-е изд. М., 1954. С. 314.

⁶ См.: Словарь иностранных слов/ Под ред. И. В. Лахина, С. М. Локшиной, Ф. Н. Петрова, Л. С. Шаумяна. 6-е изд. М., 1964. С. 403.

Интерпретация этого термина в криминалистике не меняет его сущности, а только определяет предназначение и характер работы, для целесообразного проведения которой разрабатывается методика, – расследование определенной категории (группы, вида, разновидности) преступлений.

В криминалистической науке под криминалистическими методиками расследования преступлений понимают комплексы научно обоснованных сведений и рекомендаций для организации раскрытия, расследования и предупреждения различных видов преступлений⁷.

По мнению Р. С. Белкина, частная криминалистическая методика является системой криминалистических рекомендаций, т. е. научно обоснованных советов, касающихся организации расследования, выбора и применения с учетом определенных обстоятельств технико-криминалистических средств и криминалистических приемов, и обоснований этих рекомендаций в виде определенных научных или эмпирических положений (перечень типичных для данной категории уголовных дел версий, характеристика способов совершения данного вида преступлений и следов их применения и т. д.)⁸.

Совокупность криминалистических методик расследования отдельных категорий преступлений также представляет собой систему, т. е. специфическое целостное множество таких методик, объединенных между собой различными внутренними связями и отношениями.

Вопросам разработки и изучения криминалистических методик посвящен заключительный раздел науки криминалистики под названием «Криминалистическая методика» (также используются названия «Методика расследования отдельных видов преступлений» или «Методика расследования преступлений»), который состоит из двух разделов: а) общие положения; и б) система криминалистических методик расследования отдельных категорий преступлений.

Как уже отмечалось, эффективное расследование преступлений может осуществляться лишь при его надлежащем криминалистическом обеспечении.

Этой задаче и служат криминалистические методики.

Существующая же в настоящее время система данных методик должна активно развиваться и совершенствоваться в целях соответствия основному своему предназначению – криминалистическому обеспечению практики борьбы с преступностью.

Успешное решение задачи совершенствования системы криминалистических методик настоятельно требует глубокого и всестороннего изучения ее генезиса, поскольку одно из центральных мест в исследовании этой системы занимает проблема оценки ее современного состояния и перспектив развития в будущем.

Таким образом, чтобы в этом разобраться, нужно обратиться к истории системы криминалистических методик, начиная с самых ее истоков.

Как хорошо известно, ни одно крупное общественное явление не может быть изучено и понято без учета условий и особенностей его возникновения и развития, т. е. в отрыве от его истории. Оно может быть раскрыто и понято, если выяснено, в каких условиях и при каких обстоятельствах оно возникло, какие этапы исторического развития прошло, каким было в прошлом. Только в таком случае откроется возможность определить то, чем оно является в настоящем и как будет развиваться в будущем⁹.

Более того, чтобы описать и раскрыть законы функционирования определенной системы, необходимо, в том числе, осуществить поиск первичной «клеточки», с которой исторически развилась данная система, и проследить, как она развернулась из «клеточки» в систему; тогда

⁷ См.: Возгрин И. А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. СПб., 2003. С. 269.

⁸ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 302–303.

⁹ См.: Андреев И. Д. О методах научного познания. М., 1964. С. 99–100.

мы сможем выявить структуру данной системы и свойственные этой ей функции и характеристики¹⁰.

«В случае игнорирования исторического подхода к изучению действительности, – пишет известный философ Н. П. Французова, – даже применение новейших способов познания структур и особенностей их функционирования не позволяет в полной мере исследовать вопрос о причинах подобного строения и функционирования, а следовательно, и о тенденциях их дальнейшего изменения, т. е. как бы вынимается “живая душа” изучаемых явлений»¹¹.

«Без исторического подхода, – пишет она далее, – сохранившиеся материальные образования выступают лишь как концы ветвей своеобразного “генеалогического древа”, торчащие на поверхности, сами же ветви и корни скрыты в тумане прошлого. Только их творческая реконструкция позволяет в полной мере понять и сущность современных явлений»¹².

По мнению И. В. Блауберга и Э. Г. Юдина, исторический подход представляет постановку вопроса о типах изменений, претерпеваемых объектом. Из многообразия этих типов он выделяет те, которые могут рассматриваться как факторы или причины, определяющие целостный процесс развития¹³.

Таким образом, процесс развития предстает не как простая последовательность состояний исследуемого объекта, а как его восхождение к новым, более высоким и совершенным формам существования. При этом высшие формы объекта выступают как продукт развития форм низших.

В соответствии с этим положением исторический метод познания не сводится и не ограничивается изучением изменений объектов во времени.

Он включает в себя необходимость исследования изменений и становления системы в связи с конкретными условиями существования и взаимодействия данной системы, в связи с направленностью развития, определяемой структурой системы, образованной всей предшествующей историей развития данного вида предметов¹⁴.

Здесь же уместно заметить, что анализ исторического события сводится не только к установлению некоторого общего закона, лежащего в основании этого явления, но и предполагает воспроизведение индивидуальных событий в их конкретно-исторической ситуации, что позволяет использовать весь арсенал не только средств научного анализа, но и образно-художественного воспроизведения предмета, проникновения в личный мир индивидов, членов этого общества, психологического сопереживания¹⁵.

Таким образом, в соответствии с принципом историзма¹⁶ всякое познаваемое явление должно рассматриваться с позиций его возникновения и развития.

¹⁰ См.: Вдовиченко Г. Г. Системно-структурный метод в свете научной методологии. Киев, 1973. С. 28.

¹¹ Французова Н. П. Исторический метод в научном познании. М., 1972. С. 6.

¹² Там же. С. 6–7.

¹³ См.: Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 138.

¹⁴ См.: Вдовиченко Г. Г. Системно-структурный метод в свете научной методологии. Киев, 1973. С. 27.

¹⁵ См.: Французова Н. П. Исторический метод в научном познании. М., 1972. С. 74.

¹⁶ Историзм является более широким понятием, чем исторический метод познания. В данном понятии (историзм) «отражены и определенный взгляд на мир, на явления (как на взаимосвязанные и развивающиеся), и на определенный метод познания явлений (путем прослеживания теории их возникновения и развития). Принцип историзма сочетает в себе, таким образом, и теорию предмета, и теорию его познания» (Подкорытов Г. А. Историзм как метод научного познания. Л., 1967. С. 4). По мнению Г. Г. Вдовиченко, историзм – это принцип подхода к объективной действительности в процессе ее научного исследования и практического преобразования, как к изменяющейся во времени, развивающейся; предметы и явления исследуются в связи с законами направленности их развития (см.: Вдовиченко Г. Г. Системноструктурный метод в свете научной методологии. Киев, 1973. С. 26–27, 31).

Понимание системного объекта также возможно лишь в рамках исторического подхода к анализу системы, т. е. понимания ее данного состояния как исторически развившегося и развивающегося¹⁷.

Как известно, всякий процесс развития представляет собой единство дискретности и непрерывности.

Одним из положений принципа историзма является понимание развития как смены ряда этапов, каждый из которых рассматривается как относительно заверченный и устойчивый¹⁸.

Отдельные рассматриваемые вместе этапы развития могут, в свою очередь, составлять более крупные образования – стадии.

Система криминалистических методик как динамическая система комплексов научно обоснованных рекомендаций по наиболее эффективной организации и осуществлению расследования и предотвращения определенных категорий преступлений имеет свою продолжительную историю, также складывающуюся из ряда стадий и этапов¹⁹.

Возникновение первых методик расследования преступлений было обусловлено потребностями государства в сфере борьбы с преступностью.

Человечеству всегда было присуще стремление к установлению истины в вопросах, касающихся определения виновности конкретных членов общества в совершенных преступлениях.

Народы всех времен стремились добывать истину, правду в уголовных делах, судить за правду и оправдывать за правду. Римские XII таблиц (кто, что, где, когда, чем, зачем и как), последующие законодательные акты, Русская Правда, криминалистическая и процессуальная литература полны обсуждений о том, как найти истину в уголовном процессе²⁰.

Таким образом, к истории, а точнее предыстории криминалистических методик следует отнести и тот длительный период накопления эмпирических знаний по организации расследования преступлений, который предшествовал появлению теоретических основ современного расследования и возникновению первых комплексов методико-криминалистических рекомендаций и продолжался вплоть до середины XIX столетия.

О необходимости и важности изучения истории криминалистической методики говорили видные ученые-криминалисты²¹.

Хотя в юридической литературе имеются подробные исследования истории правосудия, но, как справедливо замечает И. А. Возгрин, вопросы развития розыска и организации расследования преступлений в них не нашли достаточного освещения²².

Рассмотрению этих вопросов посвящены следующие параграфы.

¹⁷ См.: Лекторский В. А., Садовский В. Н. О принципах исследования систем. В связи с «общей теорией систем» Л. Бергаланфи // Вопросы философии. 1960. № 8. С. 77.

¹⁸ См.: Франзузова Н. П. Исторический метод в научном познании. М., 1972. С. 42.

¹⁹ В рамках настоящего исследования мы разделяем этапы развития системы криминалистических методик расследования преступлений и этапы развития криминалистической методики как раздела науки криминалистики. Подробнее об этапах развития криминалистической методики как раздела криминалистики см.: Возгрин И. А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. СПб., 2003. С. 223–235.

²⁰ Бурданова В. С. Поиски истины в уголовном процессе. СПб., 2002. С. 5.

²¹ См., например: Лузгин И. М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение. 1977. № 2. С. 61; Крылов И. Ф. Основные этапы истории и современного развития методики расследования преступлений в советской криминалистике // Вестник Ленинградского университета. Сер. 5. Вып. 1. 1978. С. 104–112; Эйсман А. А. Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М., 1978. Гл. I; Возгрин И. А. Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск, 1983. С. 65–66; Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С. 86; Образцов В. А. Проблемы совершенствования научных основ методики расследования преступлений: Автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 1985. С. 9; Гармаев Ю. П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений. Иркутск, 2003. С. 12.

²² См.: Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. СПб., 1992. Ч. I. С. 6. Любопытно, что еще более века назад на это же сетовал русский процессуалист Д. Г. Тальберг (см.: Тальберг Д. Г. Уголовное судопроизводство. Ярославль, 1883. С. 17).

Итак, «изучая предков, узнаем самих себя» (В. О. Ключевский)²³.

§ 2. Расследование преступлений в древности и раннем средневековье

Расследование является одной из самых старых разновидностей человеческой деятельности. В самых примитивных формах эта деятельность существовала и в глубокой древности²⁴.

Формы же разбирательства и отыскания истины в «уголовных»²⁵ делах в разное время и у разных народов претерпевали определенные изменения. По мере накопления знаний об окружающем мире, по мере экономического развития сложившиеся на определенный исторический период формы и способы отыскания истины в делах о преступлениях уходили в прошлое, постепенно заменяясь новыми, более совершенными, более надежными.

Древнейшим источником права был обычай. Первобытное родовое общество с его чрезвычайно слабыми общественными связями и неопределенностью правовых отношений между отдельными людьми и родами видело в преступлении зло, которое должно уничтожаться таким же злом. «Око за око, зуб за зуб» – таков основной принцип родоплеменных «уголовно-правовых» отношений.

В древности, вероятно, судопроизводство было сопряжено с религиозными обрядами: жертвами, жребиями и присягами. Суд и расправа чинились на народных собраниях (вечах)²⁶.

Все отношения между первобытными людьми, в том числе случавшиеся распри, разбирались в соответствии с чувствами и представлениями о справедливом и несправедливом. Мерилом доказанности совершения опасного деяния была его очевидность, главным образом, в глазах потерпевшего. Обиженный человек был сам судьей и исполнителем приговора. При такой патриархальной форме суда основными средствами правосудия были месть и расправа, чинимые одними представителями общества над другими с одобрения всех членов племени или его старейшин²⁷.

Право мести составляет весь запас положительных законов для первобытного человека²⁸.

Впрочем, месть как средство удовлетворения за совершенное преступление намного пережила эпоху первобытной дикости. В нашей истории классическим примером кровавой родовой мести является месть Ольги древлянам за убийство мужа, киевского князя Игоря (X в.).

Образование государственности у разных народов, сопровождавшееся разложением первобытных, родоплеменных, кровнородственных отношений, потребовало создания источников права, облаченных в письменную форму.

Возникнув вместе с государством, уголовная юстиция сразу же была вынуждена решать проблему путей, ведущих к установлению истины в правосудии. Уже в священных книгах иудеев, христиан, мусульман – Торе (Пятикнижии), Библии, Коране – можно встретить описание приемов открытия такой истины: допроса, обыска, опознания и др. Они упоминаются и

²³ Изречения и афоризмы В. О. Ключевского // Вопросы истории. 1965. № 7. С. 208–209.

²⁴ См.: Самыгин Л. Д. Расследование преступлений как система деятельности. М., 1989. С. 3.

²⁵ Уголовными в Древней Руси назывались дела о тяжких преступлениях, за которые виновник мог ответить головой.

²⁶ См.: Снегирев И. Обзорение юридического быта в продолжение древнего и среднего периода русской народной жизни // Юридические записки. 1842. Т. 2. С. 280.

²⁷ Помимо правила «око за око» у древних славян был обычай приносить преступников в качестве умиловительной жертвы богам (см.: Соловьев С. М. Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1. М., 1850. С. 50), а некоторых преступников изгоняли из племени (см.: Калачев Н. В. О значении изгоев и состоянии изгойства в древней Руси // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1. М., 1850. С. 61–62).

²⁸ Морошкин Ф. О постепенном образовании законодательства. М., 1832. С. 29–30.

в памятниках древнего права Рима, Греции, Руси, Германии, Китая и иных стран. Это были чисто эмпирические рекомендации и установления, основанные на житейском опыте и используемые в рамках существовавших процессуальных процедур обычного или писаного права²⁹.

Так появляются способы и средства осуществления раскрытия преступлений. Например, в древнеиндийском сборнике законов Ману, относящемся к V в. до н. э., встречаются довольно подробные правила допроса свидетелей, излагаются причины, по которым тот или иной свидетель не допускается к свидетельству, излагаются советы судьям для ведения дела, приводятся даже советы о том, как при помощи внешних признаков определять происходящее в душе свидетеля; в XII таблицах – памятнике древнеримского права (V в. до н. э.) – встречаются упоминания о производстве обысков.

До нашего времени в виде папирусных свитков дошли многочисленные полицейские и судебные акты Древнего Египта периода власти Птолемеев и римлян с подробными описаниями внешних признаков преступников того времени.

В этой связи немецкий криминалист Р. Гейндль не без удивления замечает, что техника описания примет человека у египтян была разработана с точностью не меньшей, чем у Бертильона³⁰.

Постепенно человеческое общество перешло от родоплеменных «правовых» отношений, от патриархальных форм суда к судебному порядку установления истины в делах, возникающих по поводу совершенного преступления, или уголовных делах.

Так образовалась первоначальная форма судебной процедуры («обвинительное производство»), при которой разбирательство по делу о совершенном преступлении начиналось с заявления жалобщиком (истцом) своей претензии (иска). Основными доказательствами при «обвинительном производстве» были свидетельские показания. Обеспечение обнаружения судебной истины устанавливалось определенными способами ее выяснения. Основой доброкачественного доказательственного материала считалась очистительная присяга, зачастую дополняемая приведением к присяге соприсяжников. Впрочем, часто процесс установления истины сводился к «суду Божьему» – ордалиям (физическим испытаниям огнем, водой, железом и т. п.)³¹, сущность которых сводилась к стремлению при помощи природных явлений найти доказательства правоты той или иной стороны судебного процесса, или судебным поединкам, доказательственное значение которых основывалось на уверенности в том, что Бог встанет на сторону правого и поможет справедливому разрешению судебного спора. Таким образом, первоначально судебный процесс установления истины в уголовных делах носил ярко выраженный обвинительно-состязательный характер.

Так осуществлялось правосудие в государствах древнего мира³².

²⁹ См.: Библия, Бытие, гл. 4, 44 и др.; Коран, сура 12 и т. п.; Тора, кн. Ваикра и др.; Римские законы XII таблиц, греческие законы Солона, Русская Правда, Псковская судная грамота, русские Судебник 1497 г. и Соборное Уложение 1649 г. и др. Об этом см.: Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М., 1999. С. 1. См. также: Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835; Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843; Линовский В. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849; Пахман С. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. М., 1851; Дювернуа Н. Л. Исторические права и суд в древней России. М., 1869; Мэн Г. Древний закон и обычай. М., 1884; Лурье С. Лжесвидетельство по Талмуду // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. Кн. 10. С. 20–42; Сыромятников Б. И. Очерк истории суда в древней и новой России // Сборник «Судебная реформа». Т. 1. М., 1915; Круглов Е. А., Лившиц Л. В. Правовые акты Древнего мира о мерах преодоления противодействия судопроизводству // Южноуральские криминалистические чтения. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 9. Уфа, 2001. С. 54–63 и др.

³⁰ См.: Гейндль Р. Уголовная техника. Из мастерской уголовного розыска. М., 1925. С. 18–19.

³¹ О подробных описаниях ордалий см.: Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843. С. 112–114; Пахман С. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. С. 68–81; Шнейкерт Г. Тайна преступника и пути к ее раскрытию. М., 1925. С. 8–9; Обуховский В. А. Уголовные доказательства в истории и советском праве. Харьков, 1926. С. 22–23.

³² В Древней Индии ордалии применялись с древнейших времен: пять великих ордалий (весами, огнем, водой простой и священной, ядом) описываются в древнеиндийском источнике права Яджнавалкья. По законам царя Вавилона Ур-Намму

В Древнем Китае, известном многочисленными изобретениями и новшествами, обогатившими человечество, уже в III в. до н. э. существовали официальные документы, посвященные вопросам методики установления характера совершенного преступления, воссоздания его обстановки путем осмотра места происшествия, допросов свидетелей и родственников потерпевшего, исследования вещественных доказательств, установления улик, проверки версий «убийство или самоубийство» и т. п. Ярким примером таких документов может служить «Циньское руководство по расследованию уголовных преступлений»³³.

Правовые нормы, относящиеся к «обвинительному производству», известны и раннефеодалному праву Западной Европы. Это так называемые «Варварские правды» (Салическая, Рипуарская, Аламаннская, Баварская и др.).

Например, Салическая правда (относящийся к V–VI вв. свод законов салических франков, живших на территории современной Франции в I-й тыс. н. э.) знает ордалии с помощью котелка с кипящей водой, в которую опускалась рука обвиняемого; при этом обожженная и плохо заживающая рука была свидетельством его виновности. Известен Салической правде и судебный поединок. В Англии ордалии существовали вплоть до XIII в. Окончательно ордалии устраняются в Европе из судебной практики к концу XVI в. Судебный поединок продержался значительно дольше. Так, в Англии, известной своим прецедентным правом, он был уничтожен лишь в 1817 г.

§ 3. Расследование преступлений в Древней Руси

Правовые нормы, относящиеся к «обвинительному производству», широко использовались в Древней Руси (Русская Правда³⁴, Новгородская судная грамота, Псковская судная грамота³⁵).

Впрочем, первое письменное упоминание о правилах отыскания истины в уголовных делах в нашем Отечестве относится к X в.

Это мирный договор киевского князя Олега Вещего с Византией (911 г.). Так, в первой статье этого правового акта, регулирующего вопросы взаимоотношений греков (христиан) с русскими (русинами), говорится о том, что «если какое дело явно будет по представленным показаниям, то должны верить при представлении таких (показаний)». При этом под «показаниями» имелось в виду все то, что указывает на какое-нибудь событие, обнаруживает его, т. е. все внешние признаки, раны, пятна, следы владения чужой вещью, очевидцы-свидетели и т. п. Все, что могло бы быть обнаружено посредством таких признаков, принималось за действительно случившееся. Так постановляется в мирном договоре обоих народов. Достаточно было того, что обиженный носил на себе следы побоев или раны. В таком случае ему верили на слово, но в случае какого-либо сомнения или подозрения по делу эти улики обиженному надлежало подтвердить клятвой. Таковы были основные правила расследования преступлений, изложенные в Олеговом договоре³⁶.

(конец 3-го тыс. до н. э.) отказ от ордалии означал признание вины. По среднеассирийским законам (середина II тыс. до н. э.) ордалии мог подвергнуться не только обвиняемый, но и обвинитель.

³³ Подробнее об этом см.: Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузицина. Ч. 2. М., 1980.

³⁴ Русская Правда являлась основным источником древнерусского законодательства. До наших дней дошло более ста списков Русской Правды, которые можно представить в трех основных редакциях: Краткая, Пространная и Сокращенная. Древнейшей редакцией (подготовлена не позднее 1054 г.) является Краткая правда. Пространная редакция возникла не ранее 1113 г. Сокращенная редакция появилась в середине XV в. из переработанной Пространной редакции.

³⁵ От Новгородской судной грамоты сохранился только ее фрагмент, дающий лишь некоторое представление о судоустройстве и судопроизводстве. Псковская судная грамота составлена на вече в 1467 г.; согласно этому документу процесс носил состязательный характер.

³⁶ Подробнее об этом см.: Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. С. 151–157; Пахман С. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии.

Позднейшее древнерусское законодательство, не знавшее различия ни между правом материальным и правом процессуальным³⁷, ни деления процесса на уголовный и гражданский, приводит первые сведения об организации розыска и изобличения преступника.

Весь процесс протекает по Русской Правде в состязательном порядке, «слово проливу слова», в порядке «тяжи». Стороны («суперники») были инициаторами и двигателями дела. Процесс открывался иском или поклепом со стороны человека, отыскивающего свое право («истца»).

Истец должен знать лицо, на которое он простирает свой иск, даже и в делах по воровству, когда хозяином найдена вещь, которая у него украдена³⁸.

Тем не менее процесс на всех стадиях его движения шел при непосредственном участии народа («людей», «соседей»), на началах общественных «помочей», совокупными усилиями многочисленных пособников, в общем интересе³⁹.

Иск был, прежде всего, апелляцией к «миру», призывом на помощь, кликом («повесткой»), обращенным ко всему «людству», на который должен был отозваться каждый. Этот первый акт публичного обращения с иском с объявлением о случившемся преступлении назывался на языке Русской Правды и Псковской судной грамоты «закличем» или «закличью».

Подобное всенародное оповещение в людном месте, на «торгу», о случившемся правонарушении имело весьма важное значение. Если через три дня после «заклича» собственник вещи находил ее у кого-либо, то это лицо считалось татем (лицом, совершившим кражу). «Заклич» был не только приглашением к опознанию и срочной доставке пропавшей вещи, но и призывом к началу производства следствия по «горячим следам». При отсутствии налицо вора пострадавший призывал окружающих вместе с ним «след гнати»: «не будет ли татя, то по следу женуть». Таким образом, «гнать след» было обязанностью местного общества. Отказ общины гнать след рассматривался как доказательство ее соучастия.

Другой формой следствия, известной Русской Правде, был так называемый «свод», т. е. последовательные очные ставки между собственником-истцом и целым рядом лиц, через руки которых прошла его пропавшая вещь. «Свод» совершался при неприменном участии «послухов», т. е. представителей местного общества, удостоверяющих «доброту» или «лихость» соседа. «Свод» продолжался до тех пор, пока не доходил до человека, который не был способен объяснить, где он приобрел искомую вещь. Этот человек и признавался татем.

Процесс «свода», выработанный еще в древнейшие времена, был достаточно хорошо урегулирован обычаями, поэтому в Русской Правде подробного описания «свода» не встречается. Однако при анализе текста ст. 36 Пространной редакции Русской Правды видно, что «свод» предусматривал различный порядок розыска лица, совершившего кражу внутри города, и в том случае, если похищенная вещь обнаружена вне города. «Свод» в городе не был ограничен числом владевших украденной вещью, и его вели до конца. «Свод» на землях вне городских стен истец вел только до третьего владельца, который брал на себя дальнейший розыск⁴⁰.

С. 37.

³⁷ Не знают различия между материальным и процессуальным правом ни оба Судебника, Ивана III и Ивана IV, ни Соборное Уложение царя Алексея Михайловича. В них «мы находим указанное смешение двух этих областей уголовного права. Строгая систематика, в смысле разного отделения законов уголовного права от законов уголовного судопроизводства, составляет принадлежность позднейших периодов» (Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. Киев, 1882. С. 10). Об этом также см.: Пахман С. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. М., 1851 С. 5–6.

³⁸ См.: Линовский В. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849. С. 8.

³⁹ См.: Сыромятников Б. И. Очерк истории суда в древней и новой России // Сборник «Судебная реформа». Т. 1. М., 1915. С. 48.

⁴⁰ См.: Российское законодательство X–XX веков / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1. М., 1984. С. 57, 96–97.

В Русской Правде еще нет статей, упоминающих о праве обыска. Даже в случае уличения в краже Русская Правда считает достаточным ограничиться показаниями «послухов».

А вот в Псковской судной грамоте (ст. 57) уже говорится о таком следственном действии, как обыск. Лицо, подозреваемое в краже, обязано было допустить в свой двор приставов для обыска. В противном случае оно обвинялось в краже. В соответствии со ст. 60 Псковской судной грамоты обыск мог производиться также у человека, на которого «возклепнет» тать.

Интересно содержание ст. 22 Новгородской судной грамоты, устанавливающей порядок оценки свидетельских показаний. В соответствии с ней показания одного «послуха» не могли быть отвергнуты в связи с показаниями другого. Для этого требовались дополнительные доказательства.

Следствие могло осуществляться самими судьями, истцами или доносчиками, а иногда специально назначаемыми лицами в тех случаях, когда виновник преступления не был известен.

Анализируя содержание новгородских законов и летописей, А. П. Куницын пришел к выводу о том, что в Новгородской феодальной республике для установления сущности дела и виновника преступления следователь должен был обзреть следы самого преступления, допросить обвиняемого, взять показания от свидетелей и людей посторонних. Если обвиняемый сам признавался, или утверждал павшее на него подозрение старанием укрыться от преследования, то следователь мог задержать его и представить на суд для ответа⁴¹.

В рассматриваемую эпоху в качестве безусловных доказательств признавались «рота» (присяга), «жребий», «поле» (сражение между родственниками тяжущихся), ордалии в виде испытаний водой и железом, свидетельские показания «видоков» (очевидцев преступления) и «послухов»⁴². Известны были домовые обыски и письменные документы⁴³.

На практике существовал судебный поединок, не упоминавшийся в Русской Правде, однако упоминающийся в Псковской судной грамоте⁴⁴. На поединок противники выходили чаще всего вооруженные дубинами. Причем, если один из «тяжущихся» по своему состоянию (недуг, старость и т. п.) не мог участвовать в поединке, допускалось вместо себя выставить наймита. (Это правило, однако, не распространялось на поединки между женщинами.)

Аналогично отыскивалась истина в уголовных делах и у наших географических соседей.

Так, в Эстляндии XV в. в случае заpiresательства обвиняемого средством доказательства служила свидетельская и очистительная присяга, или еще и присяга особого поручителя, а в некоторых случаях «Божий суд», заключавшийся в единоборстве. Допускалось также испытание водой, а при убийствах доказательством служило кровотечение из ран убитого. Для отыскания истины и с целью предоставления обвиняемому возможности освободиться от подозрения в убийстве, в заседание суда приносилось тело убитого, или же, взамен его, рука, которая находилась в суде иногда в течение недель. Обвиняемый должен был обходить вокруг покойника или руки убитого, прикоснуться к мертвой руке и произнести клятву. Невинность обвиняемого считалась доказанной, если при этом не текла кровь⁴⁵.

В Литве до второй половины XVII в. действовали законодательные положения (в частности, Судебник Казимира 1468 г., Литовские Статуты XVI в. и другие акты разных веков)⁴⁶,

⁴¹ См.: Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843. С. 98.

⁴² См.: Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С. 300–417; Пахман С. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. М., 1851. С. 65–120 и др.

⁴³ См.: Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843. С. 99, 108.

⁴⁴ Впервые определенно о поединке из дошедших до нас источников упоминается в договоре смоленского князя Мстислава с Ригой (1229 г.).

⁴⁵ См.: Волков А. Древнее уголовное судопроизводство в г. Ревеле. Ревель, 1889. С. 8–9.

⁴⁶ Подробнее об этом см.: Данилович И. Взгляд на литовское законодательство и литовские статуты // Юридические

являвшиеся развитием аналогичных положений Русской Правды. Такое состояние дел во многом объяснялось тем, что большую часть территории Великого княжества Литовского составляли древнерусские земли, захваченные литовским феодалами во второй половине XIII в.

Так постепенно в недрах древнего и средневекового общества зарождались первые знания об организации расследования преступлений.

Эти протокриминалистические знания, базируясь на практике расследования, затем, как правило, конкретизировались в нормах законодательства того времени.

Таким образом, подобные положения проанализированных исторических актов отражали не просто нормативный характер их материального содержания, но процедуру и даже практику их применения в расследовании преступлений.

Правосудие в Древней Руси, в основном, осуществлялось представителями феодальной знати (князьями, посадниками, тысяцкими), вынужденными в этих целях, равно как и в целях сборов дани, разъезжать по подвластным владениям⁴⁷. С течением времени князья стали передавать свои судебные полномочия наместникам (лицам, возглавлявшим уезды. – С. К.) и волостелям (лицам, возглавлявшим волости. – С. К.) – людям, посторонним для общины, которые получали судебные округа как награду за службу для «кормления», извлекая для себя из каждого судебного действия законную прибыль. Князья таким образом делили право отправления правосудия как частную собственность или доходную статью⁴⁸.

Аналогично обстояли дела и в Западной Европе.

Как отмечает известный британский историк права сэра Генри Мэн, сам английский король Иоанн (XIII в.) в целях осуществления суда много ездил по стране. С течением времени короли сделались более оседлыми и начали посылать от своего лица разъездных судей, которые со всеми обстоятельствами разбираемых дел должны были знакомиться сами. Нередко этим судьям приходилось посещать самые места разбираемых актов насилия. Более того, как пишет Г. Мэн, судьи должны были разъезжать вооруженными на тот случай, если придется отстаивать свое решение в поединке. Это правило, в частности, устанавливал капитуляр Карла Лысого⁴⁹ (короля Франции второй половины IX в. – С. К.).

Пытки при состязательном процессе не практиковались.

Впрочем, стремление отыскать истину в уголовном деле путем использования аморальных методов ее установления, по-видимому, было всегда. Новгородские летописи донесли до нас сведения об одном из таких довольно курьезных случаев.

В 1447 г. расследовавший дело о фальшивомонетничестве посадник Секира допрашивал монетчика Федора Жеребца о том, для кого тот чеканил деньги не по установленному весу. Чтобы выведать правду, посадник напоил обвиняемого допьяна и в таком состоянии допрашивал. Монетчик оговорил восемнадцать человек⁵⁰. С тех пор минуло пять с половиной веков...

Таким образом, с учетом вышеизложенного можно сделать вывод о том, что вопросы методики расследования преступлений в Древней Руси лишь эпизодически и непоследовательно затрагивались в отдельных законодательных актах.

§ 4. Возникновение инквизиционного процесса на Руси

Постепенно практически полное преобладание состязательного процесса начинает уменьшаться. Уже в эпоху действия Русской Правды наблюдаются определенные попытки

записки. 1841. Т. 1. С. 1–56; Леонтович Ф. И. Областные суды в Великом княжестве Литовском // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 9. С. 83–131; № 10. С. 85–129.

⁴⁷ См.: Дювернуа Н. Л. Исторические права и суд в древней России. М., 1869. С. 160.

⁴⁸ См.: Чичерин Б. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 108–111.

⁴⁹ См.: Мэн Г. Древний закон и обычай. М., 1884. С. 140–141.

⁵⁰ См. об этом: Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843. С. 102–103.

поставить преследование преступлений на публично-правовую почву. Это сказывается, например, в установлении обязанности общины уплачивать «дикую виру» (денежное вознаграждение) и производить расследование, когда виновный в преступлении не был известен.

Например, в ст. 24 Псковской судной грамоты подчеркивается активная роль судей в процессе, что не свойственно состязательному процессу. Суд ведет следствие, посылает своих людей на место для выяснения обстоятельств дела⁵¹.

Преступления начинают рассматриваться не только как нарушение прав частных лиц, но как нарушение общего законного порядка в государстве. Община постепенно становится помощницей в расследовании важнейших преступлений, принимая на себя обязанность разыскивать и выдавать преступников независимо от требования частного лица. Эти функции общины постепенно усиливались по мере усиления централизованной государственной власти.

Постепенно в Европе и России обвинительное судопроизводство сменилось следственной, или «инквизиционной» («розыскной») его формой, суть которой заключалась в том, что процесс по делу начинался по инициативе государственного органа или должностного лица. При этой форме процесса обязанность собирать по делу доказательства как изобличающие обвиняемого, так и оправдывающего его, принимает на себя государство. В ходе разбирательства выстраивалась особая система судебных доказательств, так называемая система формальных или легальных доказательств. В случае непризнания вины обвиняемым применялись разнообразные пытки⁵² в целях получения признания в содеянном, которое признавалось лучшим из всех доказательств («царицей доказательств»). Пытки были самым распространенным способом «установления» уголовной истины, устранив собой затруднения по достоверному изобличению преступника устаревшими доказательствами: ордалиями и т. п. Свидетельские показания в инквизиционном процессе оценивались по формальным признакам; особое значение при этом придавалось не существу показаний, а личности свидетелей, которые в любом случае давали свои показания после принесения ими присяги, считавшейся гарантией правдивости свидетельских показаний. В качестве других, менее значимых доказательств рассматривались результаты осмотра, обыска и документы.

Начала инквизиционной процедуры восходят к временам Древнего Рима⁵³. Уголовный процесс периода Римской империи носил четко выраженный инквизиционный характер. Судья (императорский чиновник) сосредоточивал в своих руках и обвинительную, и судебную власть.

В Европе следственный инквизиционный процесс⁵⁴ против еретиков ввел в первой половине XIII в. папа Иннокентий III. Окончательное закрепление инквизиционного процесса при расследовании всех уголовных дел в Европе произошло к XVI–XVIII вв.

Первой стадией инквизиционного процесса было дознание, т. е. сбор предварительной и тайной информации о преступлении и преступнике. Судебное дело возбуждалось на основании обвинения должностного лица (например, в средневековой Франции – королевского

⁵¹ См.: Российское законодательство X–XX веков / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1. М., 1984. С. 357.

⁵² Подробнее об этом см.: Strombeck. Einige Wovte über den Beweis // Hitzigs Annalen. Jahrgang, 1831. Bd. X. P. 52–53; Калачев Н. Об уголовном праве по судебнику царя Иоанна Васильевича // Юридические записки. 1842. Т. 2. С. 399; Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. Киев, 1882. С. 16; Ланге Н. И. Древнее русское уголовное судопроизводство. СПб., 1884. С. 141–144, 244–245; Волков А. Древнее уголовное судопроизводство в г. Ревеле. Ревель, 1889. С. 9–10; Леонтович Ф. И. Областные суды в Великом княжестве Литовском // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 10. С. 124; Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. СПб., 1914. С. 45–46; Бочкарев В. Дореформенный суд // Сборник «Судебная реформа». Т. 1. М., 1915. С. 220; Обуховский В. А. Уголовные доказательства в истории и советском праве. Харьков, 1926. С. 26–28; Голунский С. А., Рогинский Г. К. Техника и методика расследования преступлений. Вып. I. М., 1934. С. 6–7, 9.

⁵³ В Древнем Китае в состязательный по своему характеру процесс очень рано стали вводиться элементы инквизиционного процесса, который со временем утвердился безраздельно. Расследование преступлений еще в древности осуществляли специально назначаемые чиновники (линьши).

⁵⁴ Подробнее об этом см.: АрнуА. История инквизиции. СПб., 1994; Григулевич И. Р. Инквизиция. М., 1985; Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века. М., 1994; Льюренте Х. А. Критическая история испанской инквизиции. М., 1999.

прокурора), а также доносов и жалоб, содержание которых оставалось неизвестным для обвиняемого. Затем судебный следователь собирал письменные доказательства, допрашивал свидетелей и обвиняемого, проводил очные ставки. При инквизиционном процессе подразумевалась виновность обвиняемого, поэтому показаний одного свидетеля было достаточно для применения пытки с целью получения признательных показаний. Таким образом, процесс расследования состоял из двух частей: общее расследование (до установления обвиняемого) и специальное расследование (после установления обвиняемого). Допрос подозреваемого (обвиняемого) был самым важным из всех следственных действий.

В Европе в качестве обвиняемых по делам о преступлениях при инквизиционном процессе нередко выступали даже животные, в отношении которых существовали собственные правила осуществления судопроизводства.

Так, некий Гаспар Белльи, адвокат при сенате Савои, в своем труде, который был им издан в середине XVII столетия, представил трактат о способах производства суда против животных. Чтобы облегчить сторонам работу по составлению разных актов следствия, он простер свои услуги до того, что предложил образцы речей обвинителей и защитников, или попечителей, назначаемых животным, заключений докладчика, приговора официала и т. и.⁵⁵

Итак, инквизиционный процесс главным образом характеризуется такими признаками, как совмещение функций предварительного расследования и отправления правосудия, резкий дисбаланс обвинения и защиты, приоритет мер процессуального принуждения перед средствами убеждения.

На Руси ордалии исчезают к XIII–XIV вв.; «жребий», обращение к «полю» допускались лишь в том случае, если не было возможности иначе разрешить тяжбу.

Если ранее носителями судебной власти были в основном удельные князья и их слуги, то в период с XIV–XV вв. и до XVII в.

судебная власть постепенно сосредоточилась в руках крепнущего Московского государства.

В шкале доказательств «поле» стало занимать последнее место. На первое же место стали выходить письменные акты (грамоты), далее следуют свидетели, за ними присяга, и, наконец, «поле»⁵⁶.

Таким образом, по мере упадка «судов Божьих» повысилась роль свидетелей, усилилось значение судебной канцелярии, дьяков и подьячих, ставших истинными вершителями дел в суде.

Рост степени государственной централизации, усиление роли великокняжеской (царской) администрации в сфере управления, выделение особых органов государственной власти, постепенно монополизировавших публично-правовые функции, привели к появлению новых форм осуществления правосудия в противоположность прежним формам. Древнерусское исковое обвинительно-состязательное судопроизводство, в котором главная роль принадлежала сторонам, постепенно все более проникалось «розыскными» (инквизиционными) началами.

В соответствии с Судебником 1497 г. (ст. 8, 12, 13) Ивана III виновность оговоренного подтверждалась не представлением доказательств, а крестным целованием (присягой) оговаривающих.

Все более разрасталось письмоводство, запись различных «речей» (показаний) и т. д. Появились судные списки и правые грамоты, выдававшиеся на руки сторонам по их требо-

⁵⁵ См.: Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. Киев, 1882. С. 298.

⁵⁶ См.: Сыромятников Б. И. Очерк истории суда в древней и новой России // Сборник «Судебная реформа». Т. 1. М., 1915. С. 77.

ванию, представлявшие по своему содержанию не что иное, как подробные протоколы всего судопроизводства.

Так, к XVI в. в Московском государстве имелись два вида судебного процесса – «суд» и «розыск», т. е. процесс обвинительный и процесс следственный (инквизиционный), причем первый еще преобладал в XVI в., второй же стал преобладать в XVII в.

Уже согласно Судебнику 1497 г. дела могли начинаться вследствие «довода», т. е. обвинения, производимого специальными должностными лицами – «доводчиками», которые состояли в штате наместников и выполняли обязанности судебных следователей⁵⁷.

До наших дней в пяти рукописных свитках дошел интереснейший документ первой половины XVI в., представляющий собой запись обстоятельств расследования убийства Степана Пронякина, происшедшего в 1538 г. в Медынском уезде (современная Калужская область. – С. К.), – первое известное нам достаточно подробное изложение хода расследования по конкретному уголовному делу в нашем Отечестве.

Расследование осуществлялось в период с 9 сентября 1538 г. по 28 февраля 1539 г.

Жена убитого Катерина с сыном Иваном Пронякиным и неким Борисом Сибекиным обратились к наместнику Медынского уезда с иском против Федора Неелова, его жены Марьи, их сына Ждана и их работника Федьки, которые, со слов обвинителей, ворвавшись во двор потерпевших, избili саблями до смерти Степана Пронякина и похитили различное имущество на общую сумму пять с четвертью рублей.

На крики потерпевших сбежались соседские люди, которые отправились на поиск преступников.

Вскоре Марья Неелова и Федька были задержаны, а Федор и Ждан Нееловы скрылись.

При задержании у Марьи Нееловой была обнаружена и изъята баранья шуба, принадлежащая потерпевшей. На место задержания («Федорово поле») вскоре прибыл направленный туда из Медыни пристав Истома с понятыми, после чего все были отправлены к судье.

Степан Пронякин вскоре умер от причиненных ему ранений в присутствии медынского попа Дмитрия.

Не признавая обвинения, Марья Неелова заявила судье, что Пронякины на них «клепят», потому что являются их должниками, ее муж и сын находятся далеко в Мценске на государственной службе, а ее поймали и ложно «ополичили шубой своей».

Федька же признался в совершенном нападении и рассказал, что «бил, грабил, саблями сек мой господин, его сын и Марья», после чего сам Неелов с сыном скрылись.

Далее судья «спросил» вышеупомянутых соседских «людей», которые подтвердили, что слышали вопли потерпевших и пересказали услышанный от них (потерпевших) рассказ об обстоятельствах преступления⁵⁸.

Как усматривается из текста этого исторического документа, судья к определенному решению так и не пришел, вследствие чего следствие по делу было направлено в Москву великому князю Ивану Васильевичу (будущему царю Ивану IV Грозному, 1530–1584), которому исполнилось тогда восемь лет.

В Москве ранее «спрошенные» по делу лица повторили великому князю свои прежние показания. (Кто конкретно направлял расследование по делу ввиду малолетства великого князя из документа неясно; из текста документа следует, что все решения по делу принимал великий князь, которому тогда было 8–9 лет.)

По делу был допрошен вышеупомянутый поп Дмитрий, который показал, что погибший перед смертью рассказал, что его «убили» Нееловы.

⁵⁷ См.: Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.-Л., 1947. С. 273.

⁵⁸ С современных позиций речь здесь идет не об убийстве, а о разбойном нападении с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшего его смерть.

После этого великий князь послал в Медынский уезд дьяка Ивана Костицу провести повальный обыск⁵⁹ о личности обвиняемых.

Как следовало из результатов повального обыска: ранее Нееловы в грабеже и разбое замешаны не были, но многие из опрошенных слышали, что они убили Степана Пронякина.

После этого великий князь направил мценскому воеводе грамоту, в которой приказал сообщить – в «который месяц и в который день» прибыли на службу Неелов и его сын.

В ответе на великокняжескую грамоту воевода отписал, что оба Нееловых на службе в 1538 г. не появлялись.

На этом следствие было закончено.

Великий князь «обвинил» Марью Неелову и Федьку в убийстве и постановил их «выдать головами до искупа» истцам. Федора и Ждана Нееловых великий князь приказал «присудить в беглые»⁶⁰.

Как видно из данного документа, начала состязательного и розыскного процесса здесь причудливо переплетены воедино. Расследование дела начинается с подачи иска истцами, пытки в ходе расследования не применяются, но ход расследования активно направляется государством, показания крепостного человека Федьки, избличавшего своих господ в совершенном преступлении, судьями явно игнорируются или недооцениваются.

Значительно развил инквизиционную форму процесса Судебник 1550 г. Ивана IV (принявшего в 1547 г. царский титул).

Таким образом, с последовательным усилением Московского царства состязательный порядок при расследовании преступлений заменялся розыскным, который сначала применялся при расследовании наиболее серьезных уголовных дел (о государственных преступлениях, убийствах, разбоях и др.), но с течением времени круг их постепенно расширялся.

Появляются новые особые государственные органы – «обыщики» или «сыщики»; в практику входят уголовные преследования без выдвижения соответствующего обвинения, по доносу. В XV–XVI вв. уголовные дела о наиболее тяжких преступлениях рассматриваются в розыском порядке, а в XVII в. и по менее значительным делам розыскной порядок становится общим.

⁵⁹ Сущность повального обыска заключалась в возложенной государем на общину повинности выдавать государству на расправу всех известных «лихих» людей, «злодеев». Представители общины, в которой проживал заподозренный, много знали о его характере, образе его жизни, роде его занятий, о его получивших огласку хороших или плохих поступках, хотя бы никто из них (обычных) не был очевидцем этих поступков. Свидетельство целой общины, мира, рассматривалось как непреложная истина (глас народа – глас Божий). Повальный обыск состоял в допросе окольных жителей о таком обстоятельстве в деле, которое могло быть известно всем или многим жителям какого-либо места, например, о поведении заподозренного. Следственные органы зачастую только добивались от них удостоверения в том, является ли «добрым» или «лихим» человеком обвиняемый. Повальный обыск простирался во все четыре стороны, версты по две, или по три, или по шесть и более; допрашивалось сразу, а иногда и по выбору, от двадцати до ста человек; при этом запрещалось принимать показания от членов семей заподозренных, а за ложные сведения пятый или шестой, а иногда двое или трое, из ста обычных подвергались сечению кнутом. Облихование подозреваемого лица на повальном обыске, произведенном губным старостой, служило достаточной причиной к взятию его под стражу и допросу под пыткой. Подробные правила повального обыска были изложены в указе Ивана Грозного от 21 августа 1556 г., из содержания которого усматривалось, что повальный обыск предпочитался поединку и крестному целованию (см.: Калачев Н. О Судебнике царя Иоанна Васильевича // Юридические записки. 1841. Т. 1. С. 135). Однако по мере ослабления общины повальный обыск становился все более искусственным установлением. Как тягостная и бесполезная для народа повинность, она исполнялась недобросовестно. О злоупотреблениях и лжи, происходивших при повальных обысках, сообщают уже источники XVI в. (см.: Кавелин К. Основные начала русского судостроительства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о Губерниях. М., 1844. С. 98). Во время царствования Петра I повальный обыск утратил свое значение. Как писал известный публицист первой половины XVIII в. И. Т. Посошков, «в проклятых повальных обысках, то сам сатана сидит, а Божьей правды и следа нет. Всех свидетелей пишут заочно, а попы и дьячки, не видя тех людей, на коих кто послался и на словах не слыша, да руки к обыскам прикладывают» (Посошков И. Т. «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения. Редакция и комментарии Б. Б. Кафенгауза. М., 1951. С. 64). В XIX в. повальный обыск был отменен официально.

⁶⁰ См.: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1875. Акт № 186. С. 771–793.

Впрочем, «обыщики», присылаемые из Москвы для отыскания и преследования преступников, часто причиняли населению одни убытки, не принося никакой существенной пользы относительно порученного им дела, а порой и сами грабили местных жителей⁶¹.

В XVI в. в период царствования Ивана IV Грозного полицейско-судебные функции стали выполнять учрежденные в 1539 г. губные избы – учреждения, возглавляемые выборными губными старостами, созданные для разыскивания и наказания «лихих» людей. О самих выборах губных старост из числа «лучших» людей составлялись выборные списки за подписями всех избирателей; эти списки представлялись в Разбойный приказ, ведавший разбирательством дел о преступлениях. Выбранных таким образом губных старост запрещалось смещать с занимаемых ими должностей. В грамоте 1550 г. царь Иван IV прямо говорит: «а которые старосты нашу службу служат и от службы их отставити немочно»⁶².

Учреждение губных старост значительно укрепило следственное судопроизводство на Руси.

В обязанность губным старостам вменялось раскрывать преступления и разыскивать преступников, не дожидаясь обвинения со стороны потерпевших. Губные старосты должны были объезжать свои округа и расспрашивать местных жителей о том, кто в губе «лихие» люди, к кому приезжают разбойники и тати, кому они продают добытое преступной деятельностью имущество. Те, на кого указывали, что они люди «лихие», задерживались губными старостами и подвергались пыткам.

Таким образом, расследование преступлений, уголовный розыск в России искони, еще со времен губных старост, воевод был проникнут инквизиционным началом⁶³.

С течением времени компетенция губных старост последовательно расширялась в сторону увеличения подследственности разбираемых ими уголовных дел. Компетенция губных изб закреплялась в губных грамотах, подписываемых царем; их штат состоял из «лучших» людей – губных старост, целовальников и дьяков⁶⁴. Деятельность губных изб направлялась и контролировалась различными отраслевыми приказами, главным образом, Разбойным приказом, учрежденным в 1555 г. Разбойный приказ, существовавший под разными названиями (например, с 1571 г. – Разбойная изба, с 1682 г. – Сыскной приказ) с середины XVI до начала XVIII в., являлся фактически второй инстанцией «разбойных» дел, откуда губные старосты всего Русского государства получали указы или грамоты для своей деятельности. Причем разбирать дела «ведомых разбойников» губные старосты должны были не по положениям Судебника, а по губным грамотам. В Разбойный приказ губные старосты также доносили о своих занятиях по службе, направляли отчеты о совершенных делах и испрашивали разрешения («указа») в сомнительных случаях. Постепенно Разбойный приказ забирал все больше власти; губным старостам оставалось, в основном, право проводить следственные действия (главным образом, обыски и допросы обвиняемых под пыткой), но сами «пыточные речи» и все подлинное дело они зачастую обязаны были представлять в приказ, а затем приводить его приговоры в исполнение. Подобная практика вела только к волоките, крючкотворству, засилью мелких чиновников (приказных, подьячих). С начала XVII в. по всей территории Русского государства рядом с органами местного самоуправления (губные избы и др.) стали появляться назначаемые

⁶¹ См. об этом: Пахман С. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. М., 1851. С. 143. (Тем не менее практика посылки из столицы особых «обыщиков» продолжалась вплоть до XVIII в. Наиболее эффективной была практика их применения в тех случаях, когда они посылались вместе с ратными людьми для преследования и разгрома больших групп разбойников, если для этого не было достаточно сил у местных властей – воевод или губных старост.)

⁶² Цит. по: Ланге Н. И. Древнее русское уголовное судопроизводство. СПб., 1884. С. 20.

⁶³ См.: Бразоль Б. Л. Очерки по следственной части. История. Практика. Пг., 1916. С. 40.

⁶⁴ Целовальники («целовавшие крест») были, главным образом, «сберегателями» правды на суде и свидетелями того, что на нем происходило; дьяки осуществляли канцелярские функции, занимались «письмоводством».

мые царем воеводы, также являвшиеся носителями судебной власти. Уже к 80-м годам XVII в. воеводы вытеснили на всей территории страны выборные местные органы.

Документы, издаваемые приказами, были различными: указы от имени царя, часто содержавшие решения по конкретным делам, суть которых излагалась в «отписке» (докладной записке должностного лица), наказы – инструкции должностным лицам, расспросные и пыточные грамоты и др.

По губным грамотам старостам поручалось лихих людей, разбойников и татей обыскивать, и, доведши на них преступление, наказывать⁶⁵.

В этих документах содержались первые зачатки определения методов изобличения преступников, закладывались основы будущих методико-криминалистических рекомендаций.

Правила, изложенные в губных грамотах – наказах, даваемых губным старостам как руководство для исполнения вверяемой им должности, были впоследствии соединены в одно целое – в сборник, сохранившийся до наших дней под названием «Выписка из Уставной книги Разбойного приказа», опубликованный в 1841 г. в Санкт-Петербурге. Таким образом, Уставная⁶⁶ книга является первым письменным источником, содержащим начала следственного судопроизводства в России.

Как отмечал профессор Ришельевского лицея В. Линовский, постановления, собранные в этот сборник, не потеряли силы своей и с изданием Соборного Уложения царя Алексея Михайловича в 1649 г., ибо Уложение «не составляет эпохи в истории русского уголовного судопроизводства. Следственная форма судопроизводства осталась, как она и была определена в губных грамотах»⁶⁷.

Итак, вот как были изложены первые в нашем Отечестве методические указания по организации расследования ряда преступлений, прилежно записанные в 1555 г. дьяками Василием Щелкаловым и Месоедом Висловым со слов Государя-царя и Великого Князя Иоанна Васильевича IV Грозного.

«На некоторых людей в обыску скажут, что они лихие люди, тати или разбойники, и тех людей, по обыском имати... и приказати беречь тутошним и сторонним людям, с поруками, докуды дело вершится. А тех лихованных людей, по обыском, в разбоях и в татьбах, пытати: и учнут на себя и на товарищев своих говорити, и по их язычным молкам оговорных людей имати... да тех оговорных людей, во многих людех, с языки с очей на очи ставити и роспрашивать. Да будет язык, на очной ставке которого человека опознает и учнет на него говорити тож, что и за очи в роспросе и с пытки на него говорил; а тот оговорной человек учнет бити челом о обыску, и того человека дати за пристава, а про него обыскати болшим повальным обыском, да будет его в обыску назовут лихим человеком, и его по язычной молке и по лихованным обыском пытати, и учнет на себя и на товарищев своих в разбое говорити, и того человека казнити смертью, да и того языка, который на него говорити, казнить же»⁶⁸.

«А на которого человека языка два или три с пыток говорят в разбое, и того человека, по язычным молкам, без обыску пытати; да будет с пыток не учнет на себе говорити, и про него обыскати: да будет в обыску его одобрят, и его дати на чисгую поруку, с записью...»⁶⁹.

⁶⁵ См.: Линовский В. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849. С. 13.

⁶⁶ Устав на славянском наречии означает общие учреждения, постановления, исходящие или от собрания, к тому уполномоченного, или от одного облеченного властью лица (см.: Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С. 65).

⁶⁷ Линовский В. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849. С. 15.

⁶⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Том III. СПб., 1841. С. 294.

⁶⁹ Там же. С. 295.

«А на которых людей в разбое язык говорит, а в обыску его назовут половиною добрым человеком, а другая половина назовут лихим человеком, и того человека пытати: а не учнет на себя, пытать, в разбое говорити, а того человека дати на чистую поруку»⁷⁰.

В «Выписке из Уставной книги Разбойного приказа» содержатся и некоторые другие похожие «методические» указания, данные Иваном Грозным.

Ряд дополнительных указаний по вопросам организации расследования преступлений исходил от сына Ивана Грозного – царя Федора Ивановича Блаженного. Суть же этих указаний опять сводилась к необходимости ведения следствия путем производства допросов с пытками, очных ставок, повальных обысков и т. п.

Вот чем обогатил следственную практику царь Федор Иоаннович.

«А на которых людей языки говорят с первые и с другие пытки, а с третьей или с казни идучи, учнут с них сговаривати, и тому не верить»⁷¹.

А вот как выглядит первое в нашей истории упоминание о порядке производства личного обыска.

«А которого человека приведут с поличным⁷², а поличное у него вынут с приставом и понятыми, и тот человек того поличного не очистит и отводу ему не даст, и того приводного человека по поличному пытать...»⁷³

Ряд указаний исходил от Федора Ивановича по поводу порядка производства следствия в отношении, как мы бы сейчас сказали, специальных субъектов: дворянских, приказных людей и боярских детей.

Таким образом, следственное производство XVI в. уже предусматривало проведение допросов, очных ставок, обысков.

В правление первого государя из династии Романовых, царя Михаила Федоровича, организация расследования преступлений продолжала развиваться.

Совершенствуется порядок действий по раскрытию неочевидных преступлений.

Так, например, 26 июня 1628 г. князь Д. М. Пожарский (фактически второе лицо в Русском государстве. – С. К.) и бояре предписали следующее.

«А у кого поймается истец за разбойное поличное, за лошадь или за что-нибудь, а разбойников в лицах нет, и тот, у кого поймаются, на кого в роспросе говорит, что то поличное у него купил или выменял, а тот оговорной человек на очной ставке запрется, скажет, что того он поличного им не продаывал, а поличное куплено, в книги не записано и купчей нет: и тех людей, у кого поймаются, и того, у кого он поличное купил, обеих ли пытать, или одного, у кого за поличное поймаются, а по его язычной молке на продавца взяти выть⁷⁴, или и продавца в той же продаже пытати же»⁷⁵.

Итак, расследование преступлений в Московском государстве XVI–XVII вв. осуществлялось довольно просто и незатейливо. Следствие начиналось поимкой какого-либо лица за совершение, например, разбоя, или по факту задержания с поличным, или в связи с оговором, или повальным обыском. В случае задержания человека с поличным должностное лицо, производящее расследование, делало о задержанном повальный обыск – в том случае, если при повальном обыске его называли «лихим» человеком, то сразу же после этого задержанного подвергали пытке. Если задержанный признавался в совершении преступления, то его вслед за этим подвергали наказанию. Если он под пыткой давал показания в отношении своих соучаст-

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 298.

⁷² Поличное – это похищенная вещь, найденная у лица и поличающая (изобличающая) его в совершении преступления. (В Древней Руси поличным также называли поимку преступника на месте преступления.)

⁷³ Акты исторические... Том III. СПб., 1841. С. 298.

⁷⁴ Выть – это вычет имущества для удовлетворения имущественных требований истцов.

⁷⁵ Акты исторические... Том III. СПб., 1841. С. 304.

ников (эти показания – «оговор» – назывались язычной молкой или молвкой), то оговоренного «ставили с очей на очи», т. е. проводили между ними очную ставку, а затем об образе жизни оговоренного делали повальный обыск.

Таков был общий порядок организации работы по уголовным делам.

Вопросы методики расследования преступлений в Московском государстве находились в самом зачаточном состоянии.

Пытка считалась самым существенным средством к раскрытию преступлений, однако условия ее применения были ограничены. Пыткам подвергали: а) тех, кого называли «лихими» людьми на повальном обыске; б) тех, кого оговаривали в преступлении два или три «языка»; в) тех, кого приводили с поличным после повального обыска. Были и некоторые исключения: пытку применяли также и в тех случаях, когда дворяне обвиняли собственных крестьян; а также по оговору одного «языка» могли пытать бродяг.

Анализируя состояние уголовного судопроизводства в Московском государстве XVI–XVII вв., русский историк права Н. И. Ланге выделял, главным образом в этой связи, имевшиеся некоторые незначительные отличия, существовавшие в порядке расследования уголовных дел⁷⁶: 1) по лихованному обыску; 2) по язычным молкам (одного, двух или трех «языков»); 3) по жалобам потерпевших, в том числе при разбое и татьбе с поличным, тем самым фактически выделяя типичные «следственные ситуации» эпохи позднего средневековья.

Никакого разделения функций полицейских и судебных не было. Должностные лица государства, расследующие преступления, постепенно стали выполнять функции следователя, прокурора и вершителя самого процесса в одном лице.

В царствование Алексея Михайловича Тишайшего (1645–1676), как писал А. А. Квачевский, судья ведает не одно решение дела, он должен, прежде всего, «сыскать допряма», сам открыть истину посредством сыска; суждение и решение подводится под формы, соответствующие розыску, и только соглашение их с этими формами делает приговор правильным. Розыскная система, поглотившая обвинение и обратившая все свои усилия на повальный обыск о лихих людях и пытку, оказывалась грубым полицейским произволом⁷⁷.

Для раскрытия преступлений имелось достаточно средств: допрос, в том числе с применением пыток, очная ставка, повальный обыск. Могли проводиться осмотры трупов, а также ран и увечий у живых лиц в присутствии понятых. Известны случаи осмотра разных поземельных угодий с составлением планов⁷⁸. Стороны в инквизиционном следственном процессе средневекового Московского государства были только средством для раскрытия истины.

При осуществлении следственной деятельности торжествовали бюрократия и канцелярское засилье, что неминуемо вело к мздоимству, лихоимству, «ябедничеству».

Как писал Н. И. Ланге, слова «правда» и «справедливость» сделались пустым звуком. «Нравственной болезнью русского народа», наложившей отпечаток на все его дальнейшее развитие, назвал он это состояние⁷⁹.

Так, по мере укрепления государства, «розыскной» процесс с его «обысками», «распросными речами», «очными ставками», пытками, всякого рода розыскными справками по при-

⁷⁶ Подробнее об этом см.: Ланге Н. И. Древнее русское уголовное судопроизводство. М., 1858. С. 136–165. См. об этом также: Калачев Н. Об уголовном праве по судебнику царя Иоанна Васильевича // Юридические записки. 1842. Т. 2. С. 390–400; Кавелин К. Основные начала русского судопроизводства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о Губерниях. М., 1844. С. 58; Чичерин Б. Опыты по истории русского права. С. 222.

⁷⁷ См.: Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставами 1864 года. Ч. I. СПб., 1866. С. 71–72.

⁷⁸ См.: Ланге Н. И. Древнее русское уголовное судопроизводство. СПб., 1884. С. 215–217.

⁷⁹ См.: Там же. С. 72.

казным и крепостным книгам и кадастровым документам, т. е. со всем арсеналом московского следственного процесса, широко проник в судебное производство⁸⁰.

В ряде случаев порядок производства и последовательность проведения следственных действий по конкретным делам о наиболее значимых преступлениях устанавливались специальными царскими указами.

В основном это были дела о государственных преступлениях, т. е. преступлениях против верховной власти (государственная измена, покушение на жизнь и здоровье царя, оскорбление царя, самовольный отъезд за границу, устройство бунта и т. п.), так называемые дела по «слову и делу государеву», по которым следствие проводилось с особой тщательностью. Причем губные учреждения, занимавшиеся в основном расследованием «разбойных» и «татебных» дел, следствие по государственным преступлениям не осуществляли. Человека, объявившего за собой «государево слово и дело», губные старосты должны были незамедлительно направлять к воеводам, которые являлись основным следственным органом в этих случаях.

Характер судопроизводства по государственным преступлениям в XVII в. был строго следственным, хотя еще в XVI в. расправа над политическими противниками была полностью в «государевой воле» и, выговаривая себе право «казнить и опалы класть», Иван Грозный ничего не упоминает о «суде» или «сыске», т. е. в преследовании людей, заподозренных в политических преступлениях, у царей XVI в. была полная свобода от судебных форм.

Первое упоминание о том, что личный царский суд (т. е. суд о «государевых» преступлениях) должен протекать в правовых формах, встречается в крестоцеловальной записи Василия Шуйского, в которой новоизбранный царь (1606 г.) по делам о государственных преступлениях обязуется, в том числе, проверять изветы «всякими сыски накрепко» и устраивать очные ставки («ставить с очей на очи») изветчика с обвиняемым.

Извет являлся начальным моментом судопроизводства по «государевым» делам. Изветы были в большинстве случаев устными. «Приходил ко мне в съезжую избу и извещал государево дело словесно» – так начинаются обычно воеводские «отписки» по делам о государственных преступлениях.

За изветом в таких делах следовал «сыск против извету». Чаще всего царские грамоты предписывали «сыск» проводить последовательно: сначала 1) «распросить накрепко»; потом 2) «распросить у пытки»; и, наконец, 3) «пытать», т. е. проводить допрос под пыткой. Таким образом, государевы грамоты представляли собой сыскные инструкции воеводам по конкретным делам. После «распросов» изветчика и обвиняемого обычно следовали «распросы» свидетелей. Важнейшим событием в производстве по делу о государственном преступлении являлась очная ставка между изветчиком и обвиняемым. В государевых грамотах по делам о политических преступлениях воеводам неизменно предписывается «изветчика» и того, на кого он «извещает», ставить с «очей на очи» и «распрашивать». Повальный обыск в делах о государственных преступлениях широко не применялся. Государевы грамоты обычно предписывали проводить повальный обыск лишь в тех случаях, когда человек, говоривший «непристойные», «затейные» слова, был «уродливый» или «с ума сброден». Главным в расследовании таких дел было исторгнуть признание обвиняемого. Вещественные доказательства использовались редко, несколько чаще использовались различные документы (грамоты, письма).

По окончании «сыска» наступала заключительная стадия судопроизводства – приговор.

Итак, при расследовании «государевых» преступлений воевода был обязан допросить изветчика и обвиняемых, избрать в отношении обвиняемых меру пресечения (если в воеводской «отписке» не было указано на меру пресечения, это рассматривалось как пробел и упущение), провести очные ставки с изветчиком (непроведение очных ставок также влекло для вое-

⁸⁰ См.: Сыромятников Б. И. Очерк истории суда в древней и новой России // Сборник «Судебная реформа». Т. 1. М., 1915. С. 135.

воды «выговор» из Москвы), допросить свидетелей. Обо всех своих следственных действиях воевода обязан был донести царю. Нередки были случаи, когда «сыск» в полном объеме изымался у воеводы и переносился в Москву, куда отправлялись и все его участники.

Таким образом, в общие следственные приемы практика расследования дел о государственных преступлениях привнесла ряд существенных особенностей.

Появилась новая разновидность допроса – «распрос у пытки», т. е. допрос под угрозой пыточных истязаний, но без их применения.

Кроме того, практика расследования «государевых» дел выдвинула свидетелей как заурядных участников процесса с решающим иногда значением, облегчила все ограничительные условия для применения пытки, умалила до крайности значение повального обыска, этого господствующего средства в процессе уголовно-розыском⁸¹.

Пожалуй, первое более или менее подробное изложение обстоятельств расследования дела о государственном преступлении мы встречаем в «отписке» томского воеводы Василия Волынского царю Василию Шуйскому, составленной после 5 октября 1608 г.

В «отписке» указано, что некий Ржевский слышал от стрелецкого десятника Кутына, что тому казак Осокин сказал «невместимое» слово о том, что «государю не многолетствовать на царстве, а быть недолго на царстве»⁸². На очной ставке между Ржевским и Кутыным извещик Ржевский показал, что Кутын эти слова сказал ему «наодин». Кутын же заявил, что Ржевский оговорил его, «затеял на него по недружбе». Как далее сообщает воевода, потом Кутына и Осокина, «розведя порознь», «роспрашивали» и «пыткой стращали» и «с ума их выводили, чтоб сказали» (видимо, речь здесь идет о какой-то форме психологического давления на допрашиваемых). Затем воевода пишет, что «без твоего, Государь, указу Осокина пытать не смели». Каков был ответ на эту «отписку» томского воеводы и чем закончилось следствие по данному делу, осталось неизвестным⁸³.

А вот, например, в 1621 г. лебедянский воевода Михнев в грамоте на имя царя Михаила Федоровича пишет, что «пришед в город в съезжую избу, голова стрелецкий казачий Еремей Толпыгин извещал, Государь, мне холопу твоему на одного казака, что тот при наказании его батогами кричал: «пощади де... для нашего государя царя Дмитрия!» (т. е. называл царем не царствовавшего в то время Михаила Романова, а Дмитрия – сына Ивана Грозного, трагически погибшего в малолетнем возрасте в Угличе в 1591 г... – С. К.). По этому извету воевода немедленно приказал привести казака в съезжую избу и спросить его «очи на очи» об его таких словах; но казак «в такове слове заперся». Посадив все-таки обвиняемого в тюрьму, воевода кончает грамоту просьбою указа, что ему делать далее. В ответ на это следует царский указ, которым повелевается воеводе допросить казака еще раз, собрать показания свидетелей, и даже привести обвиняемого к пытке в застенок, но не пытать, и все следствие прислать в Москву. Дальнейшее производство по этому делу не сохранилось.

Аналогично в 1636 г. воевода Судаков извещает царя из Белгорода о том, что некий тюремный узник по имени Трошка сказал «твое государево великое слово», но какое именно, не сказал: «скажет де он на Москве». На эту воеводскую отписку последовал указ, где было написано: «ты б тюремного сидельца Трошку... взял к себе в съезжую избу и спросил, какое за ним наше дело, и он бы то написал своею рукой, а буде он грамоте не умеет, и ты б тому нашему делу взял у него письмо за рукою отца его духовного; а буде у него отца духовного нет, и ты б его распросил на один, какое за ним наше дело, а чтобы он Трошка про наше дело

⁸¹ См.: Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. С. 313–314.

⁸² Слова, приписываемые казаку Осокину, оказались воистину пророческими: в результате боярского заговора 17 июля 1610 г. царь Василий Шуйский был низложен, выдан польскому королю в качестве заложника и умер в плену.

⁸³ См.: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1875. Акт № 81. С. 176–179.

тебе скажет, и ты б то наше дело велел записать подъячему доброму;.. а буде Трошка про наше дело не скажет, и ты б его велел пытать, какое за ним наше дело; а что Трошка... про наше дело тебе скажет, и ты б о том и нам отписал, и распросныя, и пыточные речи прислал, а его Трошку велел бы держать в тюрьме»⁸⁴.

Таким образом, как это следует из приведенных примеров, царскими указами могла регламентироваться организация расследования дел о конкретных преступлениях⁸⁵.

Анализируя сохранившиеся архивные материалы о производстве следствия по наиболее значимым уголовным делам, В. И. Веретенников также пришел к выводу о том, что всякое важное дело в ту эпоху начиналось исключительно извещением со стороны какого-либо частного лица о знании им «слова и дела государева»; извещатель делался воеводой в приказной избе; воевода обычно снимал допрос с обвинителя, обвиняемого и свидетелей и, подвергнув, кого считал необходимым, тюремному заключению, обо всем подробно доносил в столицу, адресуя отписку на государево имя, и просил «указу». Обычно указом из Москвы требовали дополнительных допросных, а иногда и пыточных (т. е. повелевалось воеводе обвиняемых пытать) речей, на основании которых обычно ставился приговор. Иногда первые допросные речи и колодки с ними отсылались воеводой в Москву, где и производился окончательный розыск, но этот порядок, видимо, встречался реже⁸⁶.

Таким образом, даже процесс по делам о наиболее тяжких преступлениях того времени, т. е. процесс по делам по «слову и делу» не являлся в основных своих чертах достаточно разработанным; порядок ведения даже таких дел нередко устанавливался отдельными указами в каждом конкретном случае.

Характеризуя судопроизводство той эпохи, сенатор Н. А. Буцковский писал: «у нас... сперва число законов было недостаточно, и потому суд непрестанно обращался к законодательству и искал разрешения; отсюда множество отдельных указов, отсюда так называемые в старину дела, вершенные указами и боярскими приговорами»⁸⁷.

Аналогичный порядок сохранился и во второй половине XVII в. при наследниках царя Михаила Федоровича.

Так, в частности, вторая глава Соборного Уложения 1649 г. устанавливает обязанность каждого «извещать» власти обо всяком ведомом злом умысле, заговоре и прочем. Донос должен делаться в Москву: самому Государю или его Боярам и ближним людям, а во всей России – воеводам или приказным людям. В какие бы руки из вышеперечисленных донос ни попал, закон обязывает отыскать немедленно ответчика, сделать очную ставку и продолжать следствие, самое тщательное, причем, конечно, должны были применяться обычные приемы (пытки и проч.).

По окончании следствия должно быть поставлено решение, «учинен указ»⁸⁸.

Пытка по Соборному Уложению царя Алексея Михайловича была почти универсальным средством получения истины⁸⁹.

Производство же по конкретным делам не по «слову и делу» велось в допетровской Руси общим порядком соответственно предписаниям, содержащимся в Уставной книге Разбойного приказа, и собственным представлениям должностных лиц, уполномоченных осуществлять расследование.

⁸⁴ См.: Веретенников В. И. История Тайной Канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 1–4.

⁸⁵ См. об этом также: Возгрин И. А. Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск, 1983. С. 8–9.

⁸⁶ Веретенников В. И. История Тайной Канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 5.

⁸⁷ Буцковский Н. А. Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года. СПб., 1874. С. 88.

⁸⁸ Веретенников В. И. История Тайной Канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 12.

⁸⁹ См.: Люблинский П. И. Суд и права личности // Сборник «Судебная реформа». Т. 2. М., 1915. С. 7.

Для появления научных работ, содержащих сведения об организации расследования преступлений, объективные условия еще не наступили.

§ 5. Организация и научное обеспечение расследования преступлений в XVIII – первой половине XIX в.

В XVIII в. организация расследования преступлений в России продолжает совершенствоваться.

Состязательное начало в уголовном процессе окончательно пришло в упадок в период правления Петра I. Еще более окрепшая центральная власть, главным образом в лице самодержца царя Петра, старалась регламентировать все стороны жизни в государстве.

Дальнейшее развитие получают нормы права, регулирующие уголовное судопроизводство.

Так, указом от 21 февраля 1697 г. было предписано решать «розыском» все уголовные дела и даже земельные тяжбы.

Петр I довел розыскной процесс до крайних пределов⁹⁰.

Указ от 5 ноября 1723 г. «О форме суда» постановил, что «впредь всякое различие между судом и розыском должно быть оставлено, и установлена одна форма суда, один суд, не судный процесс, а просто единообразный суд»⁹¹.

Следственные функции в XVIII в. были переданы учрежденной полиции. Институт губных старост, а затем и воевод, Петром I был ликвидирован окончательно.

Основные правила разбирательства «судебных тяжб» излагались в Воинском уставе 1716 г., которым были установлены следующие доказательства: личный осмотр, суждения экспертов, документы, собственное признание, показания свидетелей. Судопроизводство проводилось негласно при наличии письменного канцелярского производства. Все доказательства разделялись на совершенные и несовершенные («улики» – косвенные доказательства, т. е. такие доказательства, которым для их полной силы чего-то недостает). «Лучшим свидетельством всего света» признавалось сознание обвиняемого, при наличии которого суд был обязан вынести обвинительный приговор.

Наиболее яркое оформление следственная система судопроизводства в России получила с изданием Петром I в 1716 г. «Краткого изображения процессов или судебных тяжб», содержащего рекомендации по пытке, повальному обыску, оценке письменных документов и др., вошедшего затем в основных частях даже в Свод законов 1857 г.

В основных чертах розыскной процесс в России сохранился в таком виде до второй половины XIX в., до введения Судебных уставов 1864 г.

К концу XVII – началу XVIII в. относится время становления в России института судебной экспертизы. Проводятся первые судебные исследования различных документов (почерковедческие, автороведческие, технические), а также судебно-медицинские и судебно-психиатрические исследования. К производству осмотров мертвых тел и освидетельствования живых лиц привлекаются врачи⁹². Воинским уставом 1716 г. прямо предписывалось: «чтобы коль скоро кто умрет, который в драке бит, поколот или порублен будет, лекарей определить, которые бы тело мертвое взрезали и подлинно разыскали, что какая причина к смерти его была и о том иметь свидетельство в суде и на письме подать» (артикул 154).

⁹⁰ См.: Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. СПб., 1914. С. 44.

⁹¹ Цит. по: Тимашев Н. С. Рецензия на сборник «Судебная реформа», под редакцией Н. П. Давыдова и Н. И. Полянского // Журнал Министерства юстиции. 1915. № 6. С. 387.

⁹² См.: Крылов И. Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л., 1963. С. 3–36; Он же. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии: Автореф... дис. д-ра юрид. наук. Л., 1966. С. 4–5; Он же. В мире криминалистики. Л., 1980. С. 175–180.

Увеличение количества законов и другого нормативного материала, регулирующих уголовное судопроизводство, и усложнение в этой связи судебно-следственной практики являлись объективной предпосылкой теоретического осмысления общих вопросов следственной деятельности и вопросов расследования преступлений в частности.

В 1724 г. выходит «Книга о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова – первое в России сочинение, в котором содержатся, помимо многих других вопросов, касающихся практически всех сторон жизни тогдашнего российского общества, также рекомендации по организации расследования преступлений и порядку производства отдельных следственных действий (допроса, очной ставки), носящие ярко выраженный криминалистический характер.

Вот как выглядят эти рекомендации.

«И егда будут в допросах и станут на очной ставке друг друга уличать, то судье при себе надобно держать ту записку, которая записана в конторе в первых их разговорах и смотреть прилежно, не будет ли истец или ответчик говорить не так, как на один сказал, то во измененных словах паче первого надлежит в словах раздробить, чтобы дощупатца самые правды»⁹³.

«А буде во время допроса подойдет кто со стороны и станет в каких-либо словах учить, то того учителя надлежит взять под караул»⁹⁴.

Очень значимы рекомендации И. Т. Посошкова о предупреждении и разоблачении лжесвидетельства. В частности, автор дает совет: «... с великим притужением, напорно всякими образы разными допрашивать: давно ли то было и товарищи ево как в росписи написаны, все ли тут были, и прежде ли ево они пришли или после, или все они вместе пришли и откуда пришли, где они сошлись, и отъчего у них случилось и как кончилось, и о коем часе дня или ночи и в какой хоромине или во дворе или в каком ином месте. И буде в хоромях, то в коем месте, в переднем углу или у дверей или у печи или за столом, и сидя или стоя, и рано или поздно, и на дворе ведрено ли в то время или ненастливо было и после того случая как разошлись и кто из них прежде пошел от него и кто остался, или пошли и сколько их было и всех ли он знает или никого не знает?.. И, допрося, отвести ево в особое место, чтобы он ни с кем никакого слова не промолвил»⁹⁵.

В «Книге...» приводятся и некоторые другие рекомендации по производству допроса. Небезынтересно вспомнить, что И. Т. Посошков отмечал необходимость скорейшего допроса задержанных сразу же после их задержания, так как «многия с приводу всю правду сказывают и в убойстве винятся... Мне мнится, если бы новоприводных воров после приказного распросу, не медля ни часа, и в застенок бы, чтобы он не надумался, то он оторопеет и скажет правдивее»⁹⁶.

Как и в прежнюю эпоху, порядок производства, особенно по делам о наиболее значимых преступлениях, нередко устанавливался специальными царскими указами в каждом конкретном уголовном деле.

«Распросные речи» докладывались Петру I, выслушав которые, тот принимал решения, «указывал». Такие указания Петра обычно заносились в указную книгу канцелярии. Иногда

⁹³ Посошков И. Т. «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения». Редакция и комментарии Б. Б. Кафенгауза. М., 1951. С. 63.

⁹⁴ Там же. С. 64.

⁹⁵ Там же. С. 64. Оценивая приемы разоблачения лжесвидетельства, приводимые И. Т. Посошковым, известный процессуалист и криминалист А. М. Ларин пишет: «Работая следователем, я не раз пользовался этим приемом и убедился, что подобного града вопросов не выдержит самый изощренный сговор о даче ложных показаний» (см.: Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. М., 1996. С. 9).

⁹⁶ Там же. С. 71–72. Цит. совет И. Т. Посошкова сравн., например, со следующим: «Следственному работнику нужно усвоить положение, что наиболее достоверными являются первые показания, т. е. те, которые даются по горячим следам, по возможности немедленно после происшествия». (Брусиловский А. Е., Строгович М. Свидетельские показания в качестве судебных доказательств // Методика и техника следственной работы. Сборник статей. Киев, 1934. С. 157.) В настоящее время совет И. Т. Посошкова практически работники органов внутренних дел называют использованием «эффекта внезапности задержания».

Петр сам писал свои резолюции на докладных выписках. Указы царя сначала заносились в «книгу именных указов», а затем подлинные указы стали приобщаться к делам, в связи с чем была заведена особая книга – «копии именных указов», хранившаяся в Тайной Канцелярии.

По некоторым делам, особенно интересовавшим Петра I, царь отбирал надежных людей из числа своих офицеров и, давая им большие полномочия, посылал для «розыска» в качестве следователей; при этом сам постоянно и пристально наблюдал за следствием, получая самые точные «доношения» и распоряжаясь даже мелочами «розыска».

Тот же порядок сохранился и при императрицах Анне Иоанновне и Елизавете Петровне.

Занимавшаяся расследованием наиболее важных преступлений Тайная канцелярия, существовавшая в первой половине XVIII в. под разными названиями, принимала дело к производству после доноса о каком-либо преступлении. «Следование» осуществлялось, главным образом, путем производства допросов, перекрестных допросов, очных ставок между свидетелями, обвиняемыми и доносчиками. Ход и результаты следственных действий фиксировались письменно. Разрешение всякого сомнения, вопроса и «недоумения» следователя совершалось при посредстве пыток, результаты и процесс проведения которых также заносились на бумагу («пыточные речи»). Все эти бумаги по мере их накопления подшивались одна к другой, образуя постепенно канцелярское «дело».

Когда следствие заканчивалось, то на основании «распросных речей», «пыточных речей» и других данных составлялась «выписка» из дела со сжатым изложением преступления, как оно выяснилось из следствия. (Вот откуда, из следственной практики первой половины XVIII в., берет свое начало институт обвинительного заключения. – С. К)

На места чиновники Тайной канцелярии рассылали различные «рекомендации» о расследовании дел о государственных преступлениях, касающиеся, главным образом, вопросов, которые необходимо выяснить при допросе государственного преступника. Широко в расследовании преступлений применялись обыски и выемки, допросы и очные ставки (ставить «с очей на очи» зачастую являлось составной частью «розыска»), изучение документов (в том числе записок и писем), перлюстрация писем. В случае непризнания своей вины подозреваемым использовались «следственные сюрпризы», т. е. неожиданные очные ставки и предъявление документов. Достаточно широко использовались специальные знания с привлечением различных сведущих лиц (аптекарей, монетчиков и др.). Существовали специальные правила (тактически приемы) задержания заподозренных лиц (внезапно для задерживаемого и его близких, как правило, рано утром или под придуманным благовидным предлогом в общественном месте, одновременность задержания соучастников, скрывание факта задержания от соучастников и т. п.).

Указ об уничтожении Тайной канцелярии последовал манифестом от 21 февраля 1762 г., после чего ее функции перешли к Тайной экспедиции при Сенате.

Тот же порядок расследования наиболее значимых уголовных дел сохранился и при Екатерине II, частично делегировавшей свои полномочия, в том числе в вопросах судопроизводства, генерал-прокурору, надзиравшему не только за законностью, но и за целесообразностью деятельности всех правительственных учреждений⁹⁷.

Расследование же других, менее важных уголовных дел осуществлялось в соответствии с правилами и традициями, выработанными еще в эпоху Московского царства.

Состояние организации осуществления судопроизводства по уголовным делам находилось на весьма низком уровне.

⁹⁷ Подробнее об см.: Веретенников В. И. История Тайной Канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 37–219; Он же. Из истории Тайной Канцелярии. 1731–1762. Харьков, 1911. С. 16–116; Он же. К истории Екатерининской генерал-прокуратуры. Харьков, 1914. С. 9–11.

Тем не менее основы будущих методик расследования преступлений закладывались именно в это время.

В 1782 г. был опубликован «Устав Благочиния, или Полицейский», включавший 14 глав, объединяющих 274 статьи, фактически сформировавший новую отрасль права – полицейское (административное) право. Особого внимания заслуживает ст. 105 Устава Благочиния, впервые в нашей истории приводящая перечень обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании уголовных дел, предписывающая, что при расследовании преступлений должны исследоваться: «1-ое, О особе, над кем учинено. 2-ое, О действии, что учинено. 3-е, О способе, или орудии, чем учинено. 4-ое, О времени, когда учинено. 5-ое, О месте, где учинено. 6-ое, Об околличностях, объясняющих с намерением, или без намерения, и утверждающих, или обличающих, кем учинено?»

В первой половине XIX в. следствие, находившееся преимущественно в руках уездной и городской полиции в губерниях, заключалось преимущественно в собрании «безспорных» доказательств «к открытию и обличению» виновного, а судебное разбирательство почти исключительно сводилось к «суждению по силе доказательств» о виновности или невиновности подсудимого.

Полицейская часть была вверена городничим, капитан-исправникам, нижним земским судам. За порядком и правосудием на местах наблюдали назначаемые прокуроры, для «облегчения» деятельности которых были учреждены стряпчие – помощники, один из которых занимался только уголовными делами. По уголовным делам, когда ответчик был оправдан, стряпчий обязан был представить ему «донос и доносителя, дабы ясно и явно было, что стряпчий уголовных дел не есть поклепатель невинности»⁹⁸.

Манифестом Александра I от 8 сентября 1802 г. был учрежден центральный орган государственного управления, ведавший в том числе вопросами охраны правопорядка – Министерство внутренних дел, которому затем были подчинены местные административно-полицейские учреждения (с 1811 г. вопросами правопорядка ведало выделенное из МВД Министерство полиции, в 1819 г. снова включенное в МВД).

В целях осведомления об истинном положении дел в провинции и отслеживания политических идей в обществе в 1826 г. был учрежден Корпус жандармов (с 1875 г. Отдельный корпус жандармов; в 1880 г. он был подчинен МВД).

Продолжала совершенствоваться и организация расследования преступлений.

Некоторые рекомендации по организации расследования содержались в изданном в 1837 г. «Наказе чинам и служителям Земской Полиции» (по порядку осмотра «мертвых тел», обыска, допроса, исследования «необыкновенных происшествий», причин «несчастных смертных случаев»)⁹⁹.

Пытка в России была принципиально осуждена уже в «Наказе» Екатерины II (1766 г.), посвященном провозглашенным принципам новой правовой политики и правовой системы, но не получившем силу закона. Официально пытка была отменена указом Александра I от 27 сентября 1801 г.

Закон воспрещал «чинить пристрастные допросы, истязания и мучения», но предписывал «стараться обнаружить истину через тщательный распрос и внимательное наблюдение и соображение, как слов, так и действий подсудимого»¹⁰⁰.

⁹⁸ См.: Дмитриев Ф. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о Губерниях. М., 1859. С. 530–531.

⁹⁹ См.: Россия. Государственный Совет. Департамент законов. Материалы. Т. 6. Ч. 2 (1837). Дело № 31 (3). §§ 61–67. С. 141–141.

¹⁰⁰ Цит. по: Бочкарев В. Дореформенный суд // Сборник «Судебная реформа». Т. 1. М., 1915. С. 220.

Однако грубые и преступные приемы, фактически пытки, продолжались до середины XIX в., а дореформенное следствие приводило зачастую к самым тяжким судебным ошибкам¹⁰¹.

И все же при этом, как не без сарказма в свое время заметил А. С. Жиряев, отменой пыток был произведен пробел в системе доказательств¹⁰², что, безусловно, потребовало активизации научных исследований, посвященных вопросам организации следственной деятельности.

В России первой работой, полностью посвященной вопросам расследования и рассмотрения дел о преступлениях, стала небольшая книга секретаря Адмиралтейской коллегии Петра Раткевича «Зерцало правосудия, показывающее, каким образом во всяких случающихся, а наипаче сомнительных судных делах производить следствия, делать по оным определению, приговоры и заключения» (СПб., 1805).

Впервые в отечественной литературе автор вводит понятие стадий (этапов) расследования и рассмотрения «судного» дела, анализирует их, выделяя в деле три части: «1) исследование... обвиняемый точно ли учинил преступление?.. 2) определение... преступление какого рода?.. 3) приговор и заключение»¹⁰³.

Второе отделение книги П. Раткевича под названием «О исследовании» носит ярко выраженный методический характер и полностью посвящено порядку расследования преступлений, «способу, по которому открывается истина».

«Исследование, – писал П. Раткевич, – берется: 1. от лица, 2. от самого дела, 3. от причины, 4. от места, 5. от способа, 6. от орудий, 7. от времени, 8. от случая, 9. от удобства»¹⁰⁴.

Затем автор более подробно раскрывает суть приведенной формулировки. Например, под лицом имеются в виду сведения о его имени, породе (пол, природа, отечество, возраст), воспитании, состоянии, склонности духа, расположении тела, прилежании. Дело, по мнению П. Раткевича, это само происшествие, о котором идет исследование, например, отцеубийство, государственное воровство. Причина может быть двоякой: влечение, т. е. безрассудное волнение духа (страх, бешенство, гнев), и размышление (корысть). Место может быть удобным и неудобным, отдаленным или близким. Способ – совершено ли преступление «незапно» или насильственно, явно или тайно. Орудиями преступления могут быть: палка или шпага, стрела, яд, чародейство. Время – днем или ночью. Случай есть способность времени, привлекающая человека к какому-либо делу. По удобствам мы узнаем, что могло стать¹⁰⁵.

Далее в книге «Зерцало правосудия...» также приводятся сведения по вопросам, касающимся квалификации преступлений, постановления приговора и т. д.

Таким образом, в работе П. Раткевича приводилось первое систематизированное изложение правил расследования¹⁰⁶.

Другой путь методического обеспечения следственной практики того времени представлен изданным в Санкт-Петербурге тематическим сборником выдержек из законов, касающихся порядка расследования преступлений, под названием «Руководство по следственной части» (1831). В этом источнике не приводится никаких доктринальных мнений, но тем не

¹⁰¹ См.: Бочкарев В. Дореформенный суд // Сборник «Судебная реформа». Т. 1. М., 1915. С. 220–221; Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. СПб., 1914. С. 45.

¹⁰² Жиряев А. Теория улик. Дерпт, 1855. С. 8. Любопытно, что аналогичную мысль, но по отношению к другой эпохе, высказал Ф. М. Дмитриев. «При исчезновении ордалий, – писал он, – в круге судебных доказательств оказывается сначала пробел, который необходимо восполнить; почти все народы обратились вследствие этого к пытке...» (Дмитриев Ф. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о Губерниях. М., 1859. С. 561).

¹⁰³ Раткевич П. Зерцало правосудия, показывающее, каким образом во всяких случающихся, а наипаче сомнительных судных делах производить следствия, делать по оным определению, приговоры и заключения. СПб., 1805. С. 7–8.

¹⁰⁴ Там же. С. 9.

¹⁰⁵ См.: Там же. С. 9–13.

¹⁰⁶ См.: Криминалистика. Т. I / Под ред. Р. С. Белкина и Г. Г. Зуйкова. М., 1969. С. 75.

менее благодаря кропотливой подборке законодательных материалов по вопросам уголовного судопроизводства данный сборник являлся серьезным пособием для должностных лиц, занимавшихся расследованием уголовных дел. «Руководство...» содержит в логической последовательности аккуратно подобранные, достаточно подробные и ясные указания по вопросам производства допросов различных участников судопроизводства, очных ставок, порядка взятия под стражу подозреваемых, освидетельствования тела, в том числе с участием медицинских чиновников, и т. п. Открывается «Руководство...» выдержкой из ст. 105 Устава Благочиния.

Аналогично поступил и коллежский асессор Е. Ф. Колоколов, издавший в 1849 г. в Москве «Правила и формы о производстве следствий, составленные по Своду Законов». Его работа также представляет собой тематический сборник выдержек из законов того времени, посвященных различным аспектам деятельности по расследованию преступлений (поводам к началу следствия, осмотру, выемке и обыску, избранию мер пресечения, допросу, очной ставке, собиранию письменных доказательств, представлению дела в суд и т. п.), а также некоторым другим важным вопросам. Эта работа Е. Ф. Колоколова впоследствии выдержала еще четыре издания (в 1850, 1851, 1854, 1858 гг.).

Забегая вперед, следует отметить, что тем же путем пошел Е. Ф. Колоколов и после Судебной реформы 1864 г. В 1878 г. им был подготовлен и издан в Москве похожий тематический сборник под названием «Правила и формы производства предварительных следствий и дознаний судебными следователями и полицейскими чинами».

Дальнейшее усложнение следственного судопроизводства в первой половине XIX в. вызвало к жизни появление таких работ, в которых сочетались уголовно-процессуальные вопросы и практические рекомендации по осуществлению расследования преступлений.

Такой работой является, в частности, известное сочинение Василия Назанского под названием «Краткое руководство к познанию правил для производства следственных и военно-судных дел, на существующих узаконениях основанное» (СПб., 1832).

Так, в частности, в «Кратком руководстве...» автором дается развернутый перечень обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании преступлений, составленный с учетом положений ст. 105 Устава Благочиния и соображений, высказанных П. Раткевичем в «Зерцале правосудия...» в 1805 г.¹⁰⁷ Подчеркивая необходимость научного подхода к организации деятельности по расследованию преступлений, В. Назанский замечает, что «следствие производится... сообразно с обстоятельствами самого происшествия, которое надлежит обследовать. И поэтому для производства оно... необходимы бывают самые малейшие подробности, объясняющие какое-либо происшествие, из обстоятельств коего выводятся уже доказательства, обнаруживающие преступление или невиновность»¹⁰⁸. Впервые в отечественной литературе дается в «Кратком руководстве...» и рекомендация по совершению розысканий и раскрытию всех обстоятельств происшествия составлять выписку из следственного дела, в которой «излагаются сначала повеление или предписание о произведении следствия, потом обстоятельства, следствием раскрытая, содержанием коих бывает исследование вопросов тройкого рода: а, справедливо или несправедливо приписывается действие обвиняемому лицу? Каково же действие в своей сущности? и с, каково оно в отношении к Законам?»¹⁰⁹ Также в работе приводятся различные рекомендации по тактике производства допроса и очной ставки.

Новым для своего времени являлось помещение В. Назанским во второй части своей работы образцов следственных документов под наименованием «Формы, обряды и примеры деловых бумаг в военных судах употребляемых». В этой связи уместно вспомнить, что данное

¹⁰⁷ См.: Назанский В. Краткое руководство к познанию правил для производства следственных и военно-судных дел, на существующих узаконениях основанное. СПб., 1832. С. 2.

¹⁰⁸ Там же. С. 6–7.

¹⁰⁹ Там же. С. 7.

чрезвычайно полезное начинание В. Назанского играло существенную роль в осуществлении грамотного расследования уголовных дел в первой половине XIX в. Ввиду недостаточной образованности полицейского корпуса, детально разработанные образцы следственных документов не только заметно облегчали следственную деятельность, но и направляли ее в более или менее единообразное русло, тем самым в какой-то степени ослабляя субъективизм должностных лиц. Практика опубликования образцов следственных документов была положительно воспринята многими русскими процессуалистами, приводившими их в конце своих сочинений, как правило, в виде приложений¹¹⁰.

Помимо многочисленных вопросов, затрагивающих процессуальную сторону следственной деятельности, ряд рекомендаций по вопросам организации расследования преступлений и тактики проведения отдельных следственных действий содержится в некоторых других работах этого периода¹¹¹.

Свое достойное место в этом ряду занимает работа стряпчего уголовных дел Николая Орлова «Опыт краткого руководства для произведения следствий с показанием приличных узаконений» (М., 1833).

Часть вторая этого сочинения «Способ произведения следствий» полностью посвящена вопросам организации расследования преступлений.

Раскрывая задачи расследования, автор ссылается на положения ст. 105 Устава Благочиния. Далее следуют разнообразные рекомендации по тактике производства отдельных следственных действий того периода (допроса, очной ставки, обыска и т. п.). Впрочем, рекомендации Н. Орлова в основном сводятся к тематически подобранным выдержкам из текстов законов. Исключением из этого являются детальные, продуманные рекомендации по производству допроса. В частности, Н. Орлов советует: «Явившиеся к следствию люди немедленно должны быть спрошены подробно об обстоятельствах дела лично, один после другого порознь, и ответы их тогда же записаны. Для чего заготавливаются предварительно вопросные пункты, которые подписываются гг. следователями и предлагаются таким образом для дачи ответов, или делаются словесные вопросы, и одни ответы записываются тогда же, из чего составляется допрос»¹¹². Соответственно этой и другим рекомендациям по порядку допроса автором приведена «форма» (бланк протокола допроса с впечатанными, детально разработанными вопросами («вопросными пунктами») общего характера, которые следовало задавать допрашиваемому).

¹¹⁰ См., например: Орлов Н. Опыт краткого руководства для произведения следствий с показанием приличных узаконений. М., 1833. С. 67–80; Долгов Д. Основные формы уголовных следствий, вообще принятые при их производстве. СПб., 1846. С. 51–65; Колоколов Е. Правила и формы о производстве следствий, составленные по Своду Законов. М., 1849. С. 83–148; 2-е изд. М., 1850. С. 104–168; Калайдович Н. Указания для производства уголовных следствий. СПб., 1849. С. 75–93; 2-е изд. СПб., 1850. С. 141–174; Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Ч. II. СПб., 1867; Ч. III. СПб., 1869; Колоколов Е. Ф. Правила и формы производства предварительных следствий и дознаний судебными следователями и полицейскими чинами. М., 1878. С. 67–96; Микляшевский В. В. Руководство для тминных судов Царства Польского. Т. II. Варшава, 1876. С. 752–756; Старнавский А. С. Настольная книга для судебных следователей, состоящих при судах прежнего устройства, чиновников особых поручений и других следователей местностей, где действуют старые суды. Сувалки, 1893. С. 148–182; Макал и некий П. В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. 5-е изд. СПб., 1901.; Фрейнат О. Г. Пособие для чинов полиции по уголовным делам. Кишинев, 1907; Скопинский А. В. О преступных сообществах. СПб., 1907. С. 26–39; Волков Н. Т. Законы о полиции. М., 1910. С. 505–543; Он же. Руководство по составлению полицейских протоколов (по судебным и административным делам) по обнаружению и исследованию преступлений. М., 1913. С. 90–194; Долопчев В. Р. Участие полиции в производстве уголовных дел. Варшава, 1914; и др.

¹¹¹ См., например: Орлов Н. Опыт краткого руководства для произведения следствий с показанием приличных узаконений. М., 1833. С. 39–61; Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. 74, 85–87, 123–126, 137–171; Наливкин Ф. Важное и необходимое предостережение следователей, обвиняемых и обвинителей по уголовным следствиям. М., 1847. С. 62–81; Линовский В. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849. С. 149; и др.

¹¹² Орлов Н. Опыт краткого руководства для произведения следствий с показанием приличных узаконений. С. 40.

К тому времени выходит и ряд работ европейских, главным образом немецких правоведов (Бенедикт Карпцов, Гуго Франц фон Ягеманн, Густав Циммерманн и др.)¹¹³, посвященных вопросам уголовного права, уголовного судопроизводства и организации расследования преступлений, знакомство с которыми представителей отечественной правовой науки весьма положительно сказывалось на развитии русской уголовно-процессуальной и криминалистической мысли и вскоре, в том числе, привело к появлению первых методических рекомендаций по расследованию отдельных категорий преступлений.

Так, к 1840-м гг. заканчивается период предистории криминалистических методик расследования преступлений.

К этому времени был пройден путь от зарождения первых, примитивных знаний об основах расследования преступлений до появления первых работ, в которых рассматривались вопросы проведения отдельных следственных действий и порядка расследования преступлений безотносительно к их виду или группе.

В рассматриваемый период были созданы необходимые предпосылки для выработки будущих первых рекомендаций по организации расследования отдельных категорий преступлений.

Далее будут рассмотрены основные стадии и этапы развития криминалистических методик расследования отдельных категорий преступлений.

¹¹³ Carpov B. *Practica nova rerum criminalium in partes très divisa*. Vit., 1638; Jagemann H. F. *Handbuch der gerichtlichen Untersuchungskunde*. L.B. Frankfurt a Main: Verlag Rettembeil, 1838. 772s; Zweiter Band, 1841, 994s; Zimmermann G. *Die Deutsche Polizei des neunzehnten Jahrhunderts*. Hannover: Verlag Schlüter, 1845, 645s; Dreite Band, 1849, 1345s.

Глава 2

Формирование первых комплексов методических рекомендаций по расследованию отдельных категорий преступлений

§ 1. Появление и развитие первых методических рекомендаций по расследованию отдельных категорий преступлений в дореформенный период (до 1860-х гг.)

В первой половине XIX в. становлению теоретических знаний об основах расследования преступлений в основном способствовала уголовно-процессуальная наука (наука об уголовном судопроизводстве). Фактически все работы этого периода, содержащие какие-либо сведения криминалистического характера, являются работами по вопросам уголовного судопроизводства.

В 40-е годы XIX столетия появляются другие работы по теории уголовного судостройства и судопроизводства, но фактически имеющие комплексный процессуально-криминалистический характер, правда, при явном преобладании процессуального «начала». В этих работах (помимо сведений из уголовно-процессуальной теории) излагались не только вопросы тактики отдельных следственных действий и общие положения по расследованию преступной деятельности, но и вопросы организации расследования отдельных категорий преступлений, что явилось качественно новой ступенью на пути развития теоретических основ будущей криминалистической методики.

В России первой такой работой было сочинение профессора Санкт-Петербургского университета доктора прав Я. И. Баршева «Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству» (1841).

Работа Я. И. Баршева состоит из двух разделов (книг).

Книга первая «Уголовное судостройство» посвящена вопросам организации судебной системы, подсудности, издержек по уголовным делам и другим процессуальным вопросам.

Книга вторая «Уголовное судопроизводство» состоит из двух частей: «Коренные начала уголовного судопроизводства» и «О следствии по делам уголовным».

По мнению Я. И. Баршева, следствие «объемлет в себе все действия, необходимые для того, чтоб убедиться в действительности какого-либо преступления и привести все обстоятельства его в возможно полную известность»¹¹⁴. Называя средства для изучения предмета уголовного судопроизводства, автор указывает на необходимость изучения «лучших уголовно-судебных актов и ознакомление с образом исследования и разрешения важнейших уголовных случаев» (вот первые в истории отечественной криминалистической науки рекомендации диссертантам по изучению судебно-следственной практики, сбору эмпирического материала. — С. К.), а также овладения знаниями из области судебной медицины и судебной психологии, которые могут «руководить следователя в наблюдении над подсудимым, в составлении плана следствия...»¹¹⁵.

¹¹⁴ Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. 71.

¹¹⁵ Там же. С. 55–56.

Говоря о задачах расследования, Я. И. Баршев пишет: «...следствием о преступлении должен быть обнаружен и приведен в возможно полную известность весь состав преступления, то есть: 1) действительно ли учинено преступление и какое; 2) кем оно учинено, или кто его виновник; 3) в какой степени оно должно быть ему вменено и нет ли при этом обстоятельств, увеличивающих или уменьшающих его вину»¹¹⁶.

Глава четвертая «Образ исследования и осмотра особенных родов преступлений» второго отделения книги второй полностью посвящена вопросам организации расследования отдельных видов преступлений: смертоубийства, отравления, похищения, подлога в акте и банкротства.

Так, говоря о порядке действий при расследовании убийств, Я. И. Баршев рекомендует следователю сначала совместно с врачом произвести осмотр места происшествия («места, где найден труп, его положения, ран и язв»), а затем судебно-медицинскую экспертизу трупа («свидетельство врачей, в том числе со вскрытием трупа»)¹¹⁷.

Если смерть наступила вследствие отравления, то, по мнению автора, необходимо: «1) подробное исследование болезни и тех припадков и симптомов, в которых умер вероятно отравленный...; 2) наружный осмотр тела...; 3) осмотр и проба всех кушаний, питья, лекарств и даже посуды, найденной у умершего; 4) вскрытие тела с целью, не найдутся ли в нем следы яда».

Еще автором даются краткие рекомендации по вопросам расследования других видов преступлений (похищения, подлога в акте, банкротства)¹¹⁸.

Помимо этого в книге Я. И. Баршева дается подробное описание системы доказательств и улик (косвенных доказательств), проводится их классификация, приводятся разнообразные общие рекомендации по действиям следователя «по приведению в известность состава преступления», «для открытия виновника преступления», весьма подробно и ясно излагаются тактические приемы проведения отдельных следственных действий (обыска в домах, осмотра, в том числе с помощью сведущих лиц, допроса обвиняемого и свидетеля, собирания и принятия письменных документов, очной ставки).

¹¹⁶ Там же. С. 72.

¹¹⁷ Здесь уместно сказать, что великолепным пособием для чинов полиции и врачей того времени по осмотру трупов и их судебно-медицинскому исследованию была статья (в двух частях) лекаря пекинской духовной миссии А. Татарина «Способы исследования причин насильственной смерти, употребляемые китайцами» (см.: Татарин Ал. Указ, статья // Отечественные записки. 1847. № 2. Отд. VIII. С. 22–40; С. 117–142). Ясность и качество изложения материала в данной статье (которую правильнее было бы называть учебным пособием), пожалуй, превосходит аналогичные положения из современных учебников по судебной медицине для юристов.

¹¹⁸ См.: Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства. СПб., 1841. С. 129–133.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.